

Элизабет Вернер

В добрый час

Элизабет Вернер

В добрый час

«Public Domain»

1874

Вернер Э.

В добрый час / Э. Вернер — «Public Domain», 1874

«Одна из лучших церквей резиденции, несмотря на позднее послеобеденное время, была переполнена. Множество присутствующих, щедро украшенный цветами алтарь и длинный ряд элегантных экипажей вокруг церкви свидетельствовали о том, что венчание, которое должно было здесь совершаться, возбуждало интерес в высших слоях общества. Поведение собравшихся, как всегда в таких случаях, когда святость места не позволяет громко выражать любопытство или сочувствие, соответствовало событию: тревожное ожидание, шепот, напряженное внимание ко всему, что происходило близ ризницы, и наконец, всеобщее выражение удовольствия, когда двери ее раскрылись и вместе с первыми звуками органа появились жених с невестой и стали перед алтарем, окруженные многочисленным и блестящим обществом...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эльза Вернер

В добрый час

Глава 1

Одна из лучших церквей резиденции, несмотря на позднее послеобеденное время, была переполнена. Множество присутствующих, щедро украшенный цветами алтарь и длинный ряд элегантных экипажей вокруг церкви свидетельствовали о том, что венчание, которое должно было здесь совершаться, возбуждало интерес в высших слоях общества. Поведение собравшихся, как всегда в таких случаях, когда святость места не позволяет громко выражать любопытство или сочувствие, соответствовало событию: тревожное ожидание, шепот, напряженное внимание ко всему, что происходило близ ризницы, и наконец, всеобщее выражение удовольствия, когда двери ее раскрылись и вместе с первыми звуками органа появились жених с невестой и стали перед алтарем, окруженные многочисленным и блестящим обществом. Богатые мундиры, тяжелые атласные и бархатные платья, тонкие кружева, цветы и бриллианты – все это сверкало, волновалось и шумело, ослепляя великолепием. Еще больше пышности церемонии придавало присутствие главнейших представителей родовитой аристократии и финансовых тузов.

Справа от невесты стоял высокий сановный военный, по-видимому, ее близкий родственник, мундир и множество орденов которого указывали на многолетнюю службу. Он держал себя просто, но с достоинством, которое вполне соответствовало происходящему торжеству, однако в строгих чертах его лица проглядывало нечто совсем не похожее на радость. Взгляд его, устремленный на жениха с невестой, был скорее даже мрачен; когда же, отвернувшись от них, он оглядел рассеяно огромную толпу, его гордое лицо исказилось подавленным гневом и крепко сжатые губы слегка задрожали.

Рядом с женихом стоял другой, тоже пожилой уже господин в партикулярном платье и, очевидно, тоже близкий родственник, но ни изобилие бриллиантов в кольцах, часах и запонках, ни величайшая надменность осанки не могли придать ему родовитой сановности, которая проглядывала во всех движениях первого. Внешность этого господина была заурядной, если не сказать пошлой, и даже радость, выражавшаяся теперь в его лице, не могла изменить этого впечатления. Он с таким торжеством смотрел на жениха с невестой и на блестящую толпу гостей, с каким обычно приветствуют достижение давно желанной цели. Ничто не омрачало его радости по поводу происходящего торжества.

Казалось, что только эти два человека и принимали живое участие в церемонии; во всяком случае, жених с невестой относились к ней очень безучастно. Самый чужой и посторонний человек не мог бы проявить большего равнодушия, чем эти двое, которые через несколько минут должны были принадлежать друг другу. Девятнадцатилетняя невеста была очень красива, но от нее веяло ледяным холодом, не соответствовавшим ни месту, ни случаю. Отблеск горевших у алтаря свечей играл в тяжелых складках белого атласного платья, сверкал в бриллиантах драгоценного убора и освещал лицо, заимствовавшее, казалось, у мрамора его холод и неподвижность в тот час, который обычно оживляет самого сдержанного и равнодушного человека. Ее белокурые волосы, украшенные миртовым венком, резко контрастировали с темными бровями и почти черными глазами, которые она в течение всей церемонии всего раза два подняла на пастора. Правильное, несколько бледное лицо, закрытое вуалью, носило печать благородства, которое может быть только природным. Благородство сквозило не только в нежных изящных линиях лица, но выражалось также в осанке и всем существе молодой девушки. Казалось, она была рождена, чтобы парить в высших сферах, не приходя в соприкосновение с

людьми и низменными житейскими заботами. Но, несмотря на это, ее темные глаза искрились энергией, в них чувствовался характер – качества, столь не свойственные светской даме, но крайне необходимые ей в эту минуту, так как на нее были устремлены взгляды сановника в мундире и стоявших сзади нее трех офицеров; по мере того, как обряд подходил к концу, их взоры становились пытливей и боязливей, но ее лицо оставалось таким же холодным и спокойным, как и вначале.

Стоявший рядом с ней жених, молодой человек лет двадцати восьми, представлял собой довольно распространенный тип светского человека, созданного, казалось, исключительно для того, чтобы блистать в салонах, ибо только там он что-то собой представляет, там одерживает победы и проводит всю свою жизнь. Его костюм и манеры были безупречны, но весь вид его выражал высшую степень разочарования. Тонкое и привлекательное лицо его дышало такой безграничной апатией, таким убийственным равнодушием ко всему и ко всем, что теряло всю свою прелесть. Все было в нем так бледно и так бесцветно – ни тени румянца на щеках ни признака жизни на лице, как будто он не мог уже ни наслаждаться счастьем, ни испытывать горе. Он вел свою невесту к алтарю так, как после танцев провожают свою даму до стула, да и теперь, стоя возле нее, он бесстрастно держал ее руку в своей. Ни серьезность шага, который он намеревался совершить, ни красота женщины, которую ему вручали, казалось, не производили на него ни малейшего впечатления. Пастор кончил речь и приступил к обряду венчания. Его голос раздавался громко и отчетливо, когда он спросил Артура Беркова и баронессу Евгению-Марию-Анну фон Виндег-Рабенау, желают ли они сочетаться браком.

Снова дрогнуло лицо военного, и он почти с ненавистью посмотрел на господина, стоявшего рядом с женихом, но в ту же минуту прозвучало двойное «да», означавшее, что одно из древних аристократических имен заменяется простым мещанским именем Берков.

Едва кончился обряд и пастор произнес последнее слово, как господин, украшенный бриллиантами, поспешно протолкался вперед, очевидно, намереваясь с шумной торжественностью обнять новобрачную, но прежде чем он успел это сделать, военный уже оказался около нее. Спокойно, но с таким видом, как будто это его неоспоримое право, он стал между ними и первый заключил ее в объятия, но его губы, коснувшиеся ее лба, были холодны, а лицо, склоненное над ней и на несколько секунд скрытое от остальных, утратило выражение гордого достоинства.

– Мужайся, папа, это было необходимо!

Эти слова, понятные ему одному, прозвучали чуть слышно, но тем не менее, они вернули ему самообладание. Он еще раз прижал дочь к своей груди, и в этой нежности как будто заключалась мольба о прощении. Потом передал ее в неизбежные объятия другого господина, который ожидал это с видимым нетерпением и ни за что не поступился бы правом поздравить «дорогую невестку».

Впрочем, она и не пыталась уклониться от этого, так как взоры всех присутствовавших в церкви были обращены на них. Она стояла неподвижно. Ни одна черта ее прекрасного лица не изменилась – она только подняла глаза, которые до сих пор были все время опущены, и в этом взгляде выразилась такая непрístupная гордость, такой ледяной отпор тому, в чем она не могла отказать, что ее поняли. Несколько растерявшийся свекор заменил бурные изъявления своей нежности почтительной вежливостью, и хотя он все-таки обнял ее, но это было простой формальностью, и его рука едва коснулась пышных складок тонкой вуали. Вся поистине немалая самоуверенность нового родственника не устояла перед этим взглядом.

Молодой Берков не затруднил до такой степени своего тестя. Они обменялись рукопожатиями, причем белые перчатки новобрачного и барона едва коснулись одна другой – оба довольствовались этим. Потом Берков подал руку своей молодой супруге и повел ее из церкви; ее атласный шлейф зашуршал по мраморным ступеням. За ними двинулись все приглашенные, и вскоре экипажи начали разъезжаться один за другим.

Церковь быстро опустела. Одни столпились у дверей, чтобы еще раз взглянуть на новобрачных, другие поспешили выйти, чтобы воспользоваться случаем хорошенько разглядеть туалеты новобрачных и гостей. Через десять минут в огромной церкви не осталось ни души, только вечерняя заря, заглядывая в высокие окна, заливала красноватым светом алтарь и изображения святых, фигуры которых на золотом фоне казались живыми. От движения воздуха пламя свечей колебалось, и цветы, щедрой рукой рассыпанные на полу, распространяли сильное благоухание. По ним прошумели шлейфы дам, ноги кавалеров потоптали их – на что другое могли пригодиться бедные цветы на этом торжестве среди такой роскошной демонстрации бриллиантов, которой сопровождалось бракосочетание дочери древнего дворянского рода с сыном миллионера? Экипажи останавливались у дома барона Виндега, и празднично освещенные комнаты быстро заполнялись гостями. В залитой светом приемной стояла новобрачная под руку с мужем, такая же прекрасная, гордая и холодная, как и час назад перед алтарем, и принимала поздравления и пожелания счастья. Являлось ли действительно счастьем то, что она сейчас скрепила своим «да»? Ответом на это, возможно, была мрачность, все еще не сходящая с чела ее отца.

Глава 2

– Ну, слава Богу, теперь наконец все в порядке! Да и пора уж, через четверть часа они должны быть здесь. Находящимся на холме я дал точную инструкцию, и как только покажется карета, грянет первый выстрел из мортиры!

– Что это, господин директор, вы так хлопчете и волнуетесь?

– Поберегите свои силы для самого важного момента встречи.

– В качестве церемониймейстера и гофмаршала!..

– Поумерьте ваши остроты, господа! – с досадой прервал насмешников директор. – Желал бы я, чтобы кто-нибудь из вас оказался на моем месте; тогда бы вы узнали, каково мне. Довольно с меня и этого!..

Весь многочисленный персонал служащих рудников и горных заводов Беркова в праздничных одеждах собрался у ступеней террасы господского дома.

Загородный дом, имевший вид замка и построенный в новейшем изящном стиле вилл, с роскошным фасадом, высокими зеркальными окнами и широким подъездом, поражал воображение, огромный сад с прекрасными цветниками, окружавший дом со всех сторон, усиливал впечатление великолепия. Сегодня дом выглядел особенно по-праздничному. По-видимому, все оранжереи были опустошены, чтобы украсить цветами лестницу, балкон и террасу. Самые драгоценные и редкие растения, которые едва ли срезались когда-нибудь, были здесь и наполняли воздух чудным благоуханием. На обширных лужайках били сверкающие струи фонтанов, окруженных неяркой весенней зеленью, а у въезда в парк находилась огромная триумфальная арка, увитая гирляндами и украшенная флагами.

– Довольно с меня и этого! – повторил директор, подходя к своим сослуживцам. – Господин Берков требует блестящей встречи и думает, что для этого достаточно открыть неограниченный кредит в кассе, а расположение и желание рабочих он не принимает во внимание. Да, если бы фабричные были те же, что двадцать лет назад!.. Тогда в случае каких-либо торжеств не нужно было заботиться насчет криков «ура», теперь же, с одной стороны полнейшее безучастие, с другой – открытое сопротивление; еще немного – и молодым устроили бы хорошенькую встречу. Завтра, когда вернетесь в резиденцию, господин Шеффер, не мешало бы вам, сообщая о празднестве, намекнуть и о том, чего там не знают или не хотят знать.

– Боже сохрани! – воскликнул Шеффер. – Неужели вам хочется лишить меня расположения нашего уважаемого принципала? Я предпочитаю держаться в стороне в подобных случаях.

Остальные засмеялись, похоже, отсутствовавший хозяин не пользовался у них особым уважением.

– Итак, ему все-таки удалось женить сына на аристократке, – заговорил главный инженер. – Много пришлось ему похлопотать, но это хотя бы отчасти заменит дворянскую грамоту, в которой ему до сих пор упорно отказывают, несмотря на все домогательства. Зато теперь он может торжествовать, видя, что знать не отталкивает его из-за мещанского происхождения; Виндеги даже породнились с ним.

Шеффер пожал плечами.

– Им не оставалось другого выбора. Ни для кого не тайна в резиденции, что дела их совершенно расстроены. Сомневаюсь, чтобы гордому барону было легко пожертвовать дочерью – Виндеги всегда принадлежали не только к самой древней, но и к наиболее высокомерной аристократии. Но в конце концов и гордость смиряется перед горькой необходимостью.

– По-видимому, это родство со знатью будет дорого нам стоить, – сказал директор, качая головой. – Барон, вероятно, поставил свои условия. Я, впрочем, не вижу никакого смысла во всех этих тратах. Будь это дочь, ей таким образом купили бы имя и положение в свете, но Артур Берков останется по-прежнему мещанином, несмотря на древнюю родословную супруги.

– Вы думаете? Я же готов поручиться, что не останется. Рано или поздно подобное родство окажет свое действие. Супругу баронессы Виндег-Рабенау, зятю барона, конечно, не откажут в дворянстве, чего напрасно добивался его отец, который теперь будет возвращаться в аристократическом обществе, до сих пор решительно отталкивавшим его. Я отлично понимаю нашего хозяина. Он очень хорошо знает, что принесет ему эта свадьба, и потому не жалеет денег.

Один из служащих, белокурый молодой человек в немного узком фраке и безукоризненно натянутых лайковых перчатках, нашел уместным вставить свое замечание.

– Я только не понимаю, почему новобрачные выбрали местом свадебного путешествия нашу глушь, а не Италию, страну поэзии...

Главный инженер громко засмеялся.

– Как, Вильберг! Поэзия в брачном союзе денег с именем! К тому же свадебные поездки в Италию вошли теперь в такую моду, что, вероятно, кажутся господину Беркову слишком мещанскими. Аристократия в таких случаях отправляется в «свои имения», а мы прежде всего хотим быть аристократами, только аристократами.

– Думаю, что тут более серьезная причина, – сказал директор. – Боятся, вероятно, что молодой хозяин будет вести в Риме или Неаполе такой же образ жизни, какой он вел последние годы в резиденции, а этому давно пора положить конец. Его расточительность перешла все границы: он промотал уже сотни тысяч. Всякий колодец можно исчерпать, а Артур Берков готов был проделать этот опыт со своим отцом.

Шеффер насмешливо сжал тонкие губы.

– Отец сам так воспитал его и теперь пожинает то, что посеял. Впрочем, возможно вы и правы, здесь, в глуши, он скорее привыкнет подчиняться молодой жене. Боюсь только, что она отнесется к своей незавидной роли с недостаточным энтузиазмом.

– Вы думаете, ее принудили выйти за него? – горячо спросил Вильберг.

– Почему непременно – принудили? В наше время не бывает таких трагедий. Она просто уступила разумным увещаниям и трезвому взгляду на положение семьи, и я убежден, что этот брак по расчету окажется довольно сносным, как и большинство подобных.

Белокурый Вильберг, очевидно, имевший страсть ко всему трагическому, грустно покачал головой.

– Может быть, и нет! А если в сердце молодой женщины проснется любовь, если другой... Боже мой, Гартман! Неужели нельзя было провести эту толпу подальше отсюда? Вы с вашей колонной подняли целое облако пыли, которая летит прямо на нас.

Молодой рудокоп, к которому относились эти слова, проходя во главе пятидесяти своих товарищей мимо говорившего, бросил презрительный взгляд на его нарядный туалет, а потом посмотрел на песчаную дорогу, по которой, поднимая пыль, топали в грубых башмаках рудокопы.

– Правей! – скомандовал он, и толпа почти с военной точностью отклонилась в указанном направлении.

– Какой медведь этот Гартман! – сказал Вильберг, смахивая носовым платком пыль с фрака. – Хоть бы извинился в своей невежливости! «Правей!» – и таким тоном, каким генерал командует войсками. И почему он так много берет на себя? Если бы не вмешался его отец, он непременно запретил бы Марте Эверс прочесть мое стихотворение молодой госпоже, мое стихотворение, которое я...

– Прочел уже всему свету, – сказал вполголоса главный инженер, обращаясь к директору. – Хоть бы оно было покороче! Впрочем, он прав, со стороны Гартмана наглость не позволять прочитать стихотворение. Вам бы не следовало ставить его здесь с его молодцами: от них ничего хорошего ждать не приходится – это самые упрямые и дерзкие из всех рабочих.

Директор пожал плечами.

– Но и самые видные. Остальных я расставил на дороге и в деревне, лучшие же из всех наших рабочих должны стоять у триумфальной арки. Надо же похвастаться при случае своими людьми.

Молодой рудокоп, о котором шла речь, расставил тем временем своих товарищей около триумфальной арки, став во главе их. Директор сказал правду: это были рослые, красивые парни, но все они меркли перед своим вожаком, который был на целую голову выше их.

Гартману очень шел темный костюм рудокопа. Лицо его нельзя было назвать красивым, если следовать строгим требованиям классической красоты: лоб, пожалуй, был низковат, губы толстоваты, в чертах лица недоставало благородства, но, резко и твердо очерченные, они не были и заурыдными. Над его высоким выпуклым лбом вились густые белокурые волосы, такая же светлая кудрявая борода закрывала нижнюю часть лица, свежего и загорелого, несмотря на то, что молодой рудокоп часто был лишен здорового воздуха. Его несколько пухлые губы выражали упрямство, а в голубых, мрачно глядевших глазах было что-то такое, что заставляло обычных людей чувствовать его превосходство и невольно подчиняться ему. Этот человек был воплощением энергии и, хотя его суровость и сдержанность не могли возбудить симпатий, он невольно внушал уважение. Пожилой человек, хотя и одетый в платье рудокопа, но, очевидно, не принадлежавший к простым рабочим, приблизился к ним в сопровождении молодой девушки и остановился около Гартмана.

– В добрый час! Вот и мы! Как дела, Ульрих? Все ли в порядке?

Ульрих утвердительно кивнул головой, между тем как остальные рабочие ответили на приветствие старика дружным: «В добрый час, господин шихтмейстер!», и взоры многих парней обратились на его молодую спутницу.

Двадцатилетняя девушка вполне могла считаться красивой, местный праздничный наряд очень шел ей. Небольшого роста, она была по плечо высокому Гартману, густые темные косы обрамляли ее свежее юное личико, слегка загоревшее от солнца, со здоровым румянцем и ясными голубыми глазами; она была хорошо сложена и, по-видимому, сильна. Девушка протянула руку молодому рудокопу, но он продолжал стоять, скрестив руки, и ей пришлось опустить свою. Старик заметил это и проницательно посмотрел на обоих.

– Мы сегодня в дурном расположении духа, потому что нам не удалось поставить на своем? – спросил он. – Утешься, Ульрих, это случается довольно редко, но, раз ты поступаешь слишком дерзко, должен же отец проявить свою власть.

– Если бы мне захотелось что-нибудь сказать Марте, то я сказал бы! – решительно произнес Ульрих, бросив мрачный взгляд на великолепный, по-видимому, из теплицы, букет, который молодая девушка держала в руке.

– Так я и поверил тебе! – сказал старик равнодушно. – Похоже на то! Прежде всего она дочь моей сестры и должна меня слушаться. Но что это с вашей триумфальной аркой? Большой флагшток слишком опустился! Привяжите его покрепче, а то все гирлянды упадут.

Ульрих, к которому главным образом относилось это распоряжение, бросил равнодушный взгляд на готовые упасть венки.

– Что же, ты не слышишь разве? – повторил нетерпеливо старик.

– Мне кажется, я должен работать в рудниках, а не над триумфальной аркой. Разве мало того, что мы стоим здесь, как солдаты на часах? Кто построил эту штуку, тот пусть и поправляет.

– Неужели ты не можешь хоть сегодня оставить свою старую песню? – продолжал с досадой старик. – Ну пусть кто-нибудь другой влезет наверх!

Рудокопы смотрели на Ульриха, как бы ожидая от него позволения, но так как его не последовало, то никто не тронулся с места; только один, похоже, хотел исполнить приказ старика, но Ульрих молча обернулся и посмотрел на него, и этот властный взгляд равнялся приказанию – рабочий вернулся на свое место, и никто не шевельнулся больше.

– Желал бы я, чтобы это рухнуло на ваши упрямые головы, – сердито вскричал старик и с юношеской ловкостью взобрался наверх, чтобы укрепить флагшток. – Может быть, вы тогда научились бы вести себя на празднике. Вы испортили уже и Лоренца, который до сих пор был лучше всех вас, а теперь делает только то, что прикажет ваш повелитель Ульрих.

– Уж не должны ли мы радоваться прибытию нового начальства? – спросил Ульрих вполголоса. – Мне кажется, довольно с нас и старого!

Старик, занятый укреплением флага, к счастью, не слышал этого замечания, но молодая девушка, до сих пор молча стоявшая в стороне, быстро обернулась и озабоченно посмотрела вверх.

– Ульрих, прошу тебя!

После ее слов упрямец замолчал, но выражение его лица несколько не смягчилось. Девушка стояла перед ним, ей, по-видимому, очень трудно было произнести слова, в которых заключался полувопрос-полупросьба, но наконец она тихо выговорила их:

– Так ты в самом деле не придешь сегодня вечером на праздник?

– Нет.

– Ульрих...

– Оставь меня в покое, Марта, ты знаешь, я терпеть не могу танцев.

Марта быстро отошла от него и надула свои алые губки; глаза ее увлажнились, но это были скорее слезы гнева, нежели обиды на нелюбезную выходку Ульриха. Тот же не заметил ее слез или не придавал им значения, да и вообще он мало заботился о девушке. Не трата больше понапрасну слов, она повернулась к нему спиной и перешла на другую сторону. Молодой рудокоп, который хотел, было поправить флагшток, не сводил с нее глаз и, по-видимому, дорого бы дал за то, чтобы пригласили его, он, конечно, не отказался бы так равнодушно.

Старик между тем спустился на землю, с большим удовольствием любуясь делом своих рук; в это время с вершины холма раздался первый выстрел из мортиры; немного спустя за ним последовали второй и третий. Давно ожидаемый сигнал, означавший прибытие новобранцев, вызвал, понятно, некоторое волнение. Толпа служащих оживилась. Директор еще раз быстро окинул взглядом все приготовления к встрече; главный инженер и Шеффер начали застегивать перчатки, а Вильберг поспешил к Марте, чтобы спросить ее, наверное, в двадцатый раз, хорошо ли она выучила его стихи и не сведет ли на нет впечатление от его произведения своей неуместной робостью. Даже рудокопы проявили некоторый интерес, желая увидеть молодую и, как говорили, красивую жену своего будущего хозяина. Некоторые ту же затянули кожаные пояса и надвинули шляпы на лоб. Один Ульрих остался равнодушен и стоял так же неподвижно и небрежно, как и прежде, и даже не глядел в ту сторону.

Однако заботливо приготовленная встреча вышла совсем не такой, как ожидали и надеялись. Крик ужаса, вырвавшийся у шихтмейстера, стоявшего по другую сторону триумфальной арки, заставил всех присутствующих взглянуть туда, и глазам их представилось ужасное зрелище.

С возвышенности, по которой шла дорога из деревни в имение, мчалась, вернее, летела карета; лошади, вероятно, испугавшись выстрела из мортиры, понесли, и экипажу, подпрыгивавшему на неровной дороге, грозила опасность либо свалиться с крутизны, либо разбиться о стволы огромных деревьев, поднимавшихся с левой стороны дороги. Кучер потерял всякое присутствие духа – он бросил вожжи и в смертельном страхе сидел, держась обеими руками за сиденье; между тем с холма, где за деревьями не видно было случившегося несчастья, продолжали раздаваться один за другим выстрелы, еще более подзадоривая и без того ошалевших лошадей. Легко было догадаться, чем кончится эта бешеная скачка – у моста катастрофа была неминуема.

Толпа людей, стоявших около дома, вела себя так, как обычно в подобных случаях: все громко кричали от страха, бегали взад и вперед, суетились без толку, и никому не пришло в

голову поспешить на помощь; даже у рудокопов не хватило на это мужества или сообразительности. Только один из них не растерялся. Ульрих сразу понял, как велика опасность; растолкав товарищей, он в три прыжка очутился у моста. Из груди Марты вырвался крик ужаса, но было уже поздно – он бросился навстречу лошадям и схватил их под уздцы. Испуганные животные поднялись на дыбы и вместо того, чтобы остановиться, рванулись вперед, намереваясь и его увлечь за собой. Любой другой был бы наверняка смят и раздавлен, но Ульриху, благодаря его геркулесовской силе, удалось справиться с лошадьми. Он так сильно рванул за поводья, которых сумел не выпустить из рук, что одна из лошадей упала и, падая, увлекла за собой другую; экипаж остановился.

Молодой рудокоп подошел к дверцам кареты, предполагая найти сидящих в ней, во всяком случае даму в обмороке. По его представлениям, знатным особам в минуты опасности свойственно падать в обморок, однако ничего подобного он не увидел, хотя в данном случае обморок был бы более чем уместен. Молодая женщина стояла в карете, судорожно держась обеими руками за ее стенки; неподвижные, широко открытые глаза ее были устремлены на обрыв, на дне которого через несколько секунд мог оказаться разбитый в щепки экипаж, но с ее крепко сжатых губ не сорвалось ни звука. Готовая в последнюю минуту выпрыгнуть из кареты, рискуя разбиться насмерть, она бесстрашно и с полным самообладанием смотрела в лицо смерти.

Ульрих быстро взял ее на руки и вытащил из кареты, которой все еще грозила опасность свалиться с крутизны, так как лошади, даже лежа на земле, продолжали биться, сиюсь подняться. Всего несколько секунд переносил он ее через мост, но все это время ее темные глаза были устремлены на человека, который с таким презрением к смерти бросился под копыта ее лошадей, и его взгляд невольно остановился на прекрасном бледном лице... Возможно, молодой рудокоп не привык касаться руками мягкого шелка и ощущать около своего лица развевающуюся легкую белую вуаль, только он вдруг смутился и быстро, почти грубо, поставил молодую женщину на землю.

Евгения еще слегка дрожала; наконец губы ее разжались и глубокий вздох вырвался из груди – этим только и выразился весь ужас, который она сейчас пережила.

– Я... я вам очень благодарна! Посмотрите, пожалуйста, что с господином Берковым!

Ульрих, который сам намеревался уже это сделать, остановился в изумлении. «Посмотрите, что с господином Берковым», – холодно и спокойно сказала молодая женщина, тогда как всякая другая на ее месте произнесла бы это со страхом за судьбу мужа; у молодого рудокопа зародилось такое же подозрение, какое недавно на террасе высказывали в разговоре служащие. Он повернулся и пошел посмотреть на господина Беркова. Но тот уже не нуждался в помощи: он сам вышел из кареты и подходил к ним. Артур Берков и при этой катастрофе сохранил свою апатию и бесстрастность. Когда они вдруг совершенно неожиданно очутились в опасности и его молодая супруга хотела выпрыгнуть из экипажа, он взял ее за руку и тихо сказал: «Сиди, Евгения! Ты погибнешь, если выпрыгнешь!» Затем они не обменялись больше ни одним словом, но, в то время как Евгения, стоя в карете, посматривала, нельзя ли получить откуда-нибудь помощь, решившись в последнюю минуту отважиться на все, Артур не двинулся с места и только перед мостом закрыл глаза рукой, вероятно, он разбился бы вместе с экипажем, если бы помощь не подоспела вовремя. Он стоял, опираясь на перила моста, без трепета, без малейшего волнения, лишь был несколько бледнее обычного – действительно ли он не чувствовал страха или подавил его? Ульрих должен был сознаться, что в этой апатии было по меньшей мере что-то незаурядное. Молодой наследник, только что заглянувший в глаза смерти, смотрел на своего храброго спасителя, как на какое-то необыкновенное чудо.

Теперь уже совершенно ненужная помощь подоспела со всех сторон. Более десяти человек бросились поднимать лошадей и приводить в себя перепуганного до бесчувствия кучера. Вся толпа служащих окружила новобранных, выражая им свое сожаление и участие и засы-

пая вопросами. Никто не мог понять, отчего случилось это несчастье, и приписывали его то выстрелам, то кучеру и лошадям. Артур несколько минут оставался совершенно безучастным, потом движением руки отклонил услуги своих служащих.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, господа! Ведь вы видите, что мы оба невредимы. Позвольте нам прежде всего добраться до дому.

Он хотел предложить своей жене руку, чтобы отвести ее в дом, но Евгения не двигалась с места, озираясь по сторонам.

– А наш спаситель? Надеюсь, с ним ничего не случилось?

– Ах, да, про него-то мы и забыли! – сказал несколько сконфуженный директор. – Ведь это Гартман остановил лошадей! Гартман, где вы?

Гартман ничего не отвечал, но Вильберг, потрясенный его подвигом, забыв всю свою досаду на него, вскричал с жаром: «Вон он стоит!» – и поспешил к молодому рудокопу, который тотчас же, как только служащие приблизились к новобрачным, отошел в сторону и прислонился к дереву.

– Гартман, вы должны... Боже мой, что с вами? Вы бледны как смерть... и... откуда эта кровь?

Ульрих, судя по всему, изо всех сил боролся с обмороком, но на лице его выразился гнев, когда молодой служащий хотел поддержать его. Возмущенный тем, что его могли заподозрить в такой слабости, он быстро выпрямился и еще крепче прижал руку к окровавленному лбу.

– Пустяки! Это просто царапина! Если бы у меня был платок...

Вильберг хотел дать ему свой, но в это время рядом зашуршало шелковое платье. Молодая госпожа Берков стояла уже около него и, не говоря ни слова, подала ему свой тонкий, обшитый дорогими кружевами платок.

Баронессе Виндег, вероятно, никогда не приходилось оказывать помощь раненым, иначе она знала бы, что такой тонкий прозрачный платок никак не мог унять кровь, которая вдруг хлынула струей из-под густых волос, но Ульрих, отлично понимавший это, все-таки невольно схватил предложенный ему платок.

– Благодарю вас, госпожа, но это нам не поможет, – сказал старик Гартман, подходя к сыну и кладя ему руку на плечо. – Стой спокойно, Ульрих! – продолжал он и, вынув из кармана грубый полотняный платок, перевязал им довольно глубокую рану на голове сына.

– Разве рана опасна? – спросил Артур Берков, подошедший к ним в окружении толпы служащих.

Ульрих сильным движением руки отстранил отца и выпрямился; голубые глаза его мрачно сверкнули, когда он грубо ответил:

– Все нет! Я не прошу никого заботиться обо мне и сумею помочь себе сам.

Эти слова были произнесены в весьма непочтительном тоне, но только что оказанная Ульрихом услуга была слишком велика, чтобы можно было обижаться на него. Впрочем, господин Берков, казалось, был очень доволен тем, что ответ рудокопа избавлял его от дальнейшего беспокойства по поводу этого происшествия.

– Я пришлю вам доктора, – сказал он по обыкновению вяло и равнодушно, – а благодарность мы оставим до другого времени. Пока, кажется, достаточно оказанной помощи... Пойдем, Евгения!

Молодая женщина взяла предложенную ей руку, но еще раз обернулась назад, чтобы посмотреть, действительно ли достаточно оказанной помощи. Видимо, ей не понравилось поведение ее супруга.

– Наша встреча не удалась, – сказал главному инженеру совершенно расстроенный Вильберг, через несколько минут присоединившийся к своим товарищам, которые сопровождали до дому своего молодого хозяина и его супругу.

– И ваши стихи тоже! – насмешливо произнес тот – Кому придет в голову думать теперь о стихах и цветах? Всякому, кто верит в предзнаменования, подобное происшествие при вступлении новобрачной в свой новый дом не предвещает ничего хорошего. Смертельная опасность, раненый, кровь – да тут целый роман в вашем вкусе, Вильберг. Вы можете написать на эту тему целую балладу, только вынуждены будете взять в герои Гартмана.

– А он все-таки как был, так и остался медведем! – вскричал Вильберг с раздражением. – Разве он не мог поблагодарить добрую госпожу, когда та предложила ему свой платок? И как грубо ответил он господину Беркову! Но у него богатырская натура! Когда я спросил его, почему он раньше не сделал перевязки, он лаконично ответил мне, что сначала не заметил раны. Представьте себе! Получает удар в голову, от которого любой из нас лишился бы чувств, и после этого останавливает лошадь, вынимает из кареты и несет молодую госпожу, не замечая, что ранен, до тех пор, пока кровь не хлынула ручьем из раны. Кто же другой может выдержать такое?

Между тем все рудокопы собрались вокруг своего товарища, по-видимому, глубоко оскорбленные поведением их будущего хозяина и тем, как он выразил свою благодарность человеку, спасшему ему жизнь. Все они смотрели недобро и делали по этому поводу резкие замечания; даже старый Гартман нахмурил лоб и ни слова не сказал в защиту молодого господина. Он все еще старался унять кровь, в чем ему усердно помогала Марта. Лицо ее выражало такую безграничную тревогу за него, что Ульрих непременно обратил бы на это внимание, если бы его взгляд не был обращен совсем в другую сторону. Он как-то странно и мрачно смотрел вслед удалившимся и, видимо, думал о чем-то другом, не имеющем отношения к боли, которую причиняла ему рана.

Намереваясь переменить повязку, так как кровь продолжала струиться из раны, старый Гартман заметил, что сын все еще держал в руке кружевной платок.

– Какую пользу может принести нам этот кружевной платок? Отдай его Марте, Ульрих, она отнесет его госпоже, – сказал он с необычайной горечью.

Ульрих посмотрел на воздушный надушенный платок, и, когда Марта хотела взять его, быстро поднял руку и прижал платок к ране; в одно мгновение тонкое кружево пропиталось кровью.

– Что же ты делаешь? – удивленно вскричал отец, сердясь. – Уж не хочешь ли заткнуть им более чем дюймовое отверстие в голове! Мне кажется, у нас достаточно платков.

– Да, правда, я не подумал об этом, – коротко произнес Ульрих. – Не трогай, Марта, он все равно испорчен!

Он быстро спрятал платок на груди под блузой.

Руки девушки, только что проворно мелькавшие, вдруг опустились, и она безучастно смотрела, как отец делал необходимую перевязку, глаза ее не отрывались от лица Ульриха. Зачем он так поторопился испортить дорогой платок?.. Может быть, ему не хотелось расставаться с ним?

Молодой рудокоп совсем не был расположен разыгрывать роль больного. Он с досадой принимал оказываемую ему помощь, и потребовался весь авторитет отца, чтобы принудить его к этому; наконец он решительно объявил, чтобы его оставили в покое.

– Оставьте этого упряма! – сказал отец. – Ведь вы знаете, что с ним не сладишь; послушаем, что скажет доктор. Ты у меня настоящий герой, Ульрих! Устраивать триумфальную арку для встречи молодых хозяев ты не желаешь, считая это «унизительным», но, чтобы спасти их, бросаешься под лошадей, нисколько не думая о старом отце, которому ты единственная опора. Вам всем, – продолжал он, обращаясь к остальным рудокопам, – не мешает брать с него пример и в этом.

С этими словами, в которых, несмотря на притворный гнев, ясно звучали любовь к сыну и гордость им, он взял его за руку и увел с собой.

Глава 3

Наступил вечер. Праздник в имении Беркова кончился. Программу его добросовестно выполнили, после того как грозившая катастрофа была счастливо предотвращена. Наконец новобрачные, которым с самого полдня не давали покоя разными церемониями, остались наедине. Господин Шеффер, отправлявшийся наутро в резиденцию к старику Беркову, только что простился с ними, и даже слуга, приготовив чай, вышел из комнаты.

Горевшая на столе лампа озаряла мягким светом дорогую изящную мебель и светло-голубую штофную материю, которой были обиты стены гостиной в покоях, отведенных молодой жене и заново отделанных к ее приезду. Шелковая драпировка словно изолировала эту комнату от всего остального мира. В вазах и мраморных чашах благоухали цветы, а на столе перед угловым диваном стоял серебряный чайный сервиз, символ семейного уюта.

Новобрачные, по-видимому, еще не чувствовали всего очарования этого уюта. Молодая женщина в нарядном туалете стояла посреди устланной ковром комнаты и держала в руках букет, который Вильберг имел счастье подать ей вместо Марты. Она так увлеклась рассматриванием букета, что не обращала никакого внимания на своего супруга, который, впрочем, и не претендовал на это; как только за слугой затворилась дверь, он с выражением крайней усталости опустил в кресло.

– Эти бесконечные представления поистине убийственны! Не правда ли, Евгения? Со вчерашнего утра мы не имели ни минуты покоя. Сначала венчание, потом обед, потом в продолжение всей ночи и утра утомительная езда по железной дороге и на лошадях, едва не завершившаяся катастрофой, здесь опять прием, представление служащих, обед... папа, составляя программу празднества, кажется, совершенно забыл, что у нас есть нервы. Мои, признаюсь, совсем расстроены.

Молодая женщина, обернувшись к нему, окинула его презрительным взглядом: неужели этот человек, оставшись с ней наедине, не мог поговорить ни о чем другом, кроме своих нервов! Евгения, судя по всему, вовсе не страдала болезнью нервов; на ее прекрасном лице не было заметно ни тени усталости.

– Ты узнал, опасна ли рана молодого Гартмана? – спросила она, не отвечая на его вопрос.

Артур, казалось, был очень удивлен, что не обратили никакого внимания на его необыкновенно длинную речь, которую он вопреки своим привычкам счел необходимым произнести.

– Шеффер говорит, что она несерьезна, – равнодушно ответил он. – Он, вероятно, справлялся у доктора. Мне кажется, следует подумать о награде молодому человеку. Я поручу директору.

– Не лучше ли тебе самому заняться этим?

– Мне? Нет, избавь меня. Как я слышал, он не простой рабочий, а сын шихтмейстера, сам штейгер или что-то в этом роде. Я не знаю, дать ли ему деньги или сделать подарок. Директор же устроит все отлично.

Он еще больше откинулся на спинку кресла. Евгения молча села на диван и оперлась головой на руку. После небольшой паузы Артур, очевидно, сообразил, что должен быть повнимательнее к своей супруге и что неловко во время всего вечернего чая молча сидеть в своем кресле. Это стоило ему некоторого усилия, но он все-таки принес жертву и поднялся с места. Сев рядом с женой, он позволил себе взять ее руку и даже попытался обнять ее. Евгения быстро отняла у него руку и отодвинулась, бросив на него такой же взгляд, которым вчера отклонила объятия свекра. Взгляд этот выражал холодный и гордый отпор и лучше всяких слов говорил: «Я не пара тебе и тебе подобным!»

Но, по-видимому, к отцу легче было относиться с таким высокомерием, чем к сыну, – возможно, потому, что Артур не обращал внимания на то, как к нему относятся. Он не был ни

смущен, ни поражен этим так ясно выраженным отвращением; он только удивленно взглянул на нее.

– Тебе неприятно, Евгения?

– Я не привыкла еще! До сих пор ты не беспокоил меня этим!

Молодой человек был слишком апатичен, чтобы понять всю жестокость ее слов; по-видимому, он принял их даже за упрек.

– До сих пор? Да, в доме твоего отца очень строго соблюдался этикет. В течение двух месяцев, пока я был женихом, я ни разу не имел удовольствия остаться с тобой наедине, и постоянное присутствие твоего отца или братьев очень стесняло нас; теперь же, когда мы впервые наедине, мне нечего стесняться.

Евгения отодвинулась от него еще дальше.

– Ну, так вот теперь, когда мы впервые наедине, я объясняю тебе, что не люблю нежностей по обязанности, нежностей, в которых не участвует сердце. Я освобождаю тебя от них раз и навсегда.

На лице Артура сильнее выразилось удивление, но он оставался по-прежнему спокойным.

– Ты, кажется, сегодня в каком-то странном настроении! По обязанности... участие сердца... Право, Евгения, от тебя-то уж я менее всего мог ожидать романтических иллюзий.

– Я покончила со всеми иллюзиями в тот момент, когда отдала тебе свою руку, – с огромной горечью произнесла молодая женщина. – Ты и твой отец хотели во что бы то ни стало соединить свое имя с древним благородным именем Виндегов, чтобы благодаря этому проникнуть в высшее общество, двери которого до сих пор были закрыты для вас. Вы достигли цели: я – Евгения Берков!

Она произнесла последнее слово с таким безграничным презрением, что Артур встал; казалось, он только сейчас понял, что дело не в простом расположении духа молодой женщины, а в чем-то другом, вызванном, возможно, его невнимательностью во время путешествия.

– Тебе, очевидно, очень не нравится это имя? Я не думал до сих пор, что семья принудила тебя принять его, теперь же мне кажется...

– Меня никто не принуждал, – решительно прервала его Евгения, – никто даже не уговаривал. Я сделала это добровольно, с полным сознанием ответственности. Моей семье было тяжело принять от меня такую жертву!

Артур пожал плечами; по его лицу было видно, что разговор начинал ему надоедать.

– Я не понимаю, как ты можешь так трагически относиться к простой семейной сделке. Если мой отец преследовал при этом некоторые цели, то и причины, побуждавшие барона спешить с заключением этого союза, были не из романтических, во всяком случае он не остался внакладе.

Евгения вскочила с места, задев рукой душистый букет и уронив его на пол, глаза ее засверкали.

– И ты смеешь это говорить мне? Говорить после того, что предшествовало твоему предложению? Мне кажется, при одной мысли об этом ты должен бы краснеть, если еще не утратил такой способности.

Утомленные полузакрытые глаза молодого человека вдруг широко раскрылись; в них сверкнуло что-то, подобное искре под пеплом, но голос его звучал так же устало и бесстрастно.

– Я должен просить тебя выразаться яснее, я решительно не в состоянии понять твоих загадочных слов.

Евгения энергично скрестила руки на груди, которая порывисто вздымалась.

– Ты так же хорошо знаешь, как и я, что нам грозило разорение. Кто в этом виноват – я не могу и не хочу судить. Легко бросать грязью в погибающего. Когда наследуешь обремененные долгами родовые имения, когда вынужден поддерживать блеск древнего имени, зани-

мать известное положение в свете и обеспечивать будущее детей, – тогда нельзя рассчитывать каждую копейку, как это делают мещане, наживая деньги. Ты всегда бросал золото полными горстями, исполнял любое свое желание, любую прихоть, я же вела внешне блестящий, светский образ жизни, в то время как приходилось рассчитывать каждую копейку и каждый день, каждый час приближаться к неизбежному разорению... Может быть, мы еще и выпутались бы как-нибудь из беды, если бы не попали в сети твоего отца, который сначала чуть не насильно заставил нас принять его помощь и не отстал до тех пор, пока не забрал всего в свои руки, и нам, доведенным до отчаяния, не оставалось никакого выхода. Он явился к нам и потребовал моей руки для своего сына, обещая за это спасти нас от разорения. Мой отец скорее согласился бы перенести крайнюю нужду, чем пожертвовать мной, но я не хотела сделать его самого жертвой, не хотела погубить карьеры братьев и видеть наше имя обесчещенным... и потому дала согласие. Чего мне это стоило, не должен был знать никто, и если я продала себя, то отвечу за это перед Богом и перед самой собой. Ты же, позволивший сделать себя орудием для достижения низких целей своего отца, не имеешь права упрекать меня; причины, побудившие меня к тому, были в любом случае благороднее твоих. Она не могла продолжать от волнения. Муж все еще неподвижно стоял перед ней, лицо его было так же бледно, как утром после грозившей им катастрофы, но взгляд оставался по-прежнему каким-то вялым.

– Жаль, что ты не сообщила мне этого до свадьбы, – медленно произнес он.

– Почему?

– Потому что тогда тебе не пришлось бы унижаться до того, чтобы называться Евгенией Берков.

Молодая женщина молчала.

– Я в самом деле даже не подозревал о подобном поступке отца, – продолжал Артур, – так как вообще стараюсь держаться в стороне от его дел. Однажды он сказал мне, что если бы я захотел попросить у барона Виндега руки его дочери, то отказа не получил бы. Я подчинился ему и отправился с визитом к барону, а через несколько дней после этого состоялось наше обручение. Вот и все мое участие в этом деле. Евгения отвернулась от него.

– Я предпочла бы подобной сказке откровенное признание в соучастии, – холодно возразила она.

Опять глаза молодого человека раскрылись, опять в них сверкнула искра, но тотчас же потухла под пеплом.

– Итак, моя супруга настолько мало уважает меня, что даже не верит моим словам? – сказал он с заметным оттенком горечи.

На прекрасном лице Евгении, обернувшейся теперь к мужу, действительно отражалось глубочайшее презрение, которое слышалось и в голосе, когда она возразила:

– Ты должен простить мне это недоверие, Артур. Еще прежде, чем ты переступил порог нашего дома с целью, мне хорошо известной, я знала тебя по слухам, ходившим о тебе в резиденции, которые...

– Рисовали мой портрет не в очень выгодном свете! Воображаю! Не будешь ли ты так добра сказать мне, что рассказывали обо мне в резиденции?

Молодая женщина решительно посмотрела на мужа.

– Говорили, что Артур Берков живет по-княжески и бросает на ветер сотни тысяч для того, чтобы снискать расположение аристократической молодежи и таким образом заставить всех забыть о своем мещанском происхождении. Говорили, что в компаниях молодых людей, известных своими буйными похождениями, он самый неуемный из всех; что еще говорили о нем, мне как женщине стыдно пересказывать.

Рука Артура, лежавшая на ручке кресла, при последних словах невольно ушла глубже в мягкую шелковую обивку.

– И ты, конечно, не считаешь достойным труда попытаться исправить этого «погибшего», над которым общественное мнение произнесло свой приговор?

– Нет.

Это «нет» дышало ледяным холодом. Легкая судорога пробежала по лицу молодого человека, и он быстро выпрямился.

– Ты более чем откровенна! Тем лучше: всегда выгоднее заранее выяснить отношения друг с другом, тем более нам, которым первое время придется жить вместе. Нельзя изменить того, что сделано вчера, по крайней мере так скоро, не рискуя поставить себя в смешное положение. Впрочем, если ты затеяла этот разговор, чтобы показать мне, что я, хотя и добился руки баронессы Виндег, несмотря на свое мещанское происхождение, должен тем не менее держаться как можно дальше от нее, – а я думаю, что ты сделала это единственно с таким намерением, – то ты вполне достигла своей цели. – Тут Артур принял опять обычный скупающий и равнодушный вид. – Однако прошу тебя, чтобы подобные сцены не повторялись. Я ненавижу всякие сцены, мои нервы решительно не выносят их, жизнь должна идти своим чередом без этих ненужных вспышек. Теперь я хочу предупредить твое желание и оставить тебя одну. Извини, что я ухожу.

Он взял стоявший на столе серебряный подсвечник и вышел из комнаты, но за дверью задержался на минуту и обернулся назад. Теперь искра в глазах молодого человека не тлела, а разгоралась ярким пламенем – это продолжалось не более секунды, но, когда он проходил переднюю, пламя свечей, которые он нес, сильно колыхалось – от сквозного ли ветра или оттого, что рука, державшая их, дрожала?

Евгения осталась одна и с облегчением вздохнула, когда дверь за ее супругом закрылась: она добилась того, чего желала. Ей захотелось подышать свежим воздухом после этой сцены, и, подойдя к балконной двери, она раздвинула портьеры и открыла ее; весенний воздух был мягок и полон благоуханий. Звезды слабо мерцали сквозь легкие облака, покрывавшие небо, и неясные контуры ландшафта постепенно исчезали в надвигавшихся сумерках. С террасы доносился аромат цветов, в саду журчали фонтаны. Все дышало миром и покоем, только не было их в сердце молодой женщины, первый раз переступившей сегодня порог своего нового дома.

Глухая мучительная борьба последних двух месяцев кончилась, но ведь она только и поддерживала ее. Героические натуры всегда находят нечто возвышенное в том, чтобы пожертвовать своим будущим для другого, спасти кого-то ценой своего собственного счастья, принести себя в жертву неумолимой судьбе ради любимого человека. Но теперь, когда эта жертва принесена, когда спасение совершилось, когда стало не за что больше бороться, исчез и романтический ореол, которым дочерняя любовь окружала до сих пор решение Евгении, и перед ней с беспощадной ясностью встала вся безотрадность ее будущей жизни. В этот теплый, напоенный ароматами весенний вечер долго сдерживаемое горе пробудилось наконец в груди молодой женщины, ожидавшей от жизни своей доли любви и счастья и так горько обманувшейся. Она была молода и красива, красивее многих других, принадлежала к древнему благородному роду Виндегов и с ранней юности наделяла героя своих грез всеми блестящими рыцарскими достоинствами собственных предков.

Само собой подразумевалось, что он должен быть равен ей по положению и происхождению. И что же? Если бы еще навязанный ей супруг обладал характером и энергией – качествами, наиболее ценными в мужчине, она, возможно, и простила бы ему его мещанское происхождение, но этого бесхарактерного человека она презирала еще до того, как узнала его. Разве оскорбления, которые она намеренно бросала ему в лицо и которые вывели бы из себя любого другого человека, хоть сколько-нибудь подействовали на него? Утратил ли он хоть на минуту свое безразличие, когда она так резко выразила ему свое презрение? А когда им сегодня угрожала опасность, пошевелил ли он пальцем, чтобы спасти себя и ее? Другой, посторонний

должен был с опасностью для жизни броситься навстречу взбешенным лошадям и остановить их. Перед глазами Евгении возник образ молодого человека с мрачным взглядом голубых глаз и окровавленным лбом. Ее муж не позаботился даже узнать, не опасна ли, возможно, даже не смертельна ли рана его спасителя, а ведь без его энергичной помощи они погибли бы.

Молодая женщина опустилась в кресло, закрыв лицо руками, и все, что она пережила и перестрадала в последнее время, в эту минуту нахлынуло на нее со страшной силой и вырвалось наружу в полном отчаянии возгласе: «Боже мой, Боже мой, как я вынесу эту жизнь!?»

Глава 4

Обширные рудники и заводы Беркова находились в одной из провинций, отдаленных от резиденции. Окружавшая их местность не представляла собой ничего привлекательного. Лесистые горы – и ничего больше; на много миль вокруг только темная зелень елей, которыми поросли и возвышенности, и долины, с разбросанными кое-где деревеньками и хижинами, и лишь изредка – фермами и поместьями. Почва здесь была малопродуктивная, все ее сокровища скрывались в земле, а потому жизнедеятельность окрестных жителей сосредоточивалась во владениях Беркова, где сокровища добывались в громадных размерах.

Лежали они довольно уединенно, в стороне от большой дороги, даже ближайший город находился на расстоянии нескольких часов езды; но эти владения со множеством разбросанных в долинах жилищ и мастерских сами по себе составляли целый город. Все вспомогательные средства, какие только могла предложить наука, все, что можно было сделать машиной и человеческими руками, – все было применено здесь, чтобы вырвать у подземных духов их сокровища. Целая армия управляющих, техников, инспекторов и смотрителей под руководством директора составляла большую колонию, хотя из нескольких тысяч рабочих только незначительная часть обитала в колонии, остальные же жили в окрестных деревнях. Предприятие, которое было начато в скромных размерах и поднято до нынешних высот только теперешним владельцем, казалось слишком огромным для частного человека и поддерживалось действительно колоссальным состоянием. Оно было самым значительным во всей провинции и потому имело преобладающее значение в горной промышленности не только этой провинции, но и всей страны, и ни одно из подобных предприятий не могло сравниться с ним. Эта колония с огромным количеством машин и рабочих рук, с бесчисленными постройками составляла некоторым образом отдельное государство, а хозяин ее являлся таким же полновластным государем, как владелец какого-нибудь маленького княжества.

Конечно, могло показаться странным, что человеку, стоящему во главе такого предприятия, отказывали в отличии, которого он так добивался и которое давалось многим, сделавшим гораздо меньше для процветания промышленности страны, но в данном случае, как и везде, где решение не зависит непосредственно от правителя, большое значение имели личность и характер человека, а Берков не пользовался симпатией влиятельных лиц. В его прошлом было много темных пятен; богатство несколько стусевало их, но совершенно смыть не могло. Правда, он ни разу не привлекался к суду, но часто дела его были на волосок от судебного вмешательства. Его деятельность, несмотря на огромный размах, не могла считаться образцовой во всех отношениях. Поговаривали о грабительской системе наживы, основанной на том, чтобы всеми способами увеличить доход владельца, не обращая ни малейшего внимания на благосостояние и нужды рабочих, о сознательных злоупотреблениях служащих, о глухом недовольстве рабочих, но это были только слухи, так как сама колония находилась слишком далеко. Несомненным фактом являлось лишь то, что она служила неисчерпаемым источником богатства для своего владельца.

Конечно, следовало согласиться, что терпение, упорство и промышленный гений этого человека равнялись его бессовестности. Выбившийся из нищеты, долго бывший игрушкой житейских волн, он достиг наконец высоты и утвердился на ней, много лет тому назад сделавшись миллионером. В последние годы счастье как будто гналось за ним по пятам; как ни испытывал он судьбу, она неизменно благоволила ему, и самые рискованные предприятия, самые смелые спекуляции непременно удавались, если он принимал в них участие.

Берков рано овдовел и не женился вторично; при его беспокойном характере, при постоянном стремлении к спекуляциям и приобретениям семейная жизнь была для него скорее стеснением, чем отрадой. Его единственный сын и наследник воспитывался в резиденции, и отец

не жалел денег на гувернеров, учителей по разным предметам, на поступление в университет и путешествия, но, к сожалению, ничего не сделал для подготовки его к будущей деятельности владельца и руководителя промышленных предприятий. Артур выказывал решительное нежелание учиться чему-нибудь, что не входило в программу светского образования, а отец был слишком слаб и слишком восхищался своим наследником, чтобы идти против его воли.

Женитьба сына была единственной победой отца – победой, которой он чрезвычайно гордился. Именно Берков-старший настоял на том, чтобы встреча новобрачных была организована с такой помпезностью и, пожалуй, расстроился больше всех, оттого что досадный случай, чуть было не ставший трагическим, помешал в полной мере осуществиться его плану. Чтобы возместить потерянное, через пару дней назначили большой прием – обед, на который были званы все служащие, городская знать и персонально – спаситель новобрачных, молодой рудокоп с отцом и кухней. Приглашение поступило лично от Евгении, которая специально для этого отправила к ним в дом своего лакея.

– Госпожа Евгения Берков изволит звать вас сегодня к обеду в семь часов вечера, – объявил тот. – Нынче приглашены к обеду все служащие, да из города почти все знатные особы... мне ужасно некогда. Будьте аккуратны, пожалуйста! Ровно в семь часов!

Лакей, по-видимому, очень спешил, он быстро кивнул присутствующим и вышел.

– Ты пойдешь, Ульрих? – быстро спросила Марта.

– Что с тобой, Марта? – сердито сказал ей дядя. – Неужели, по-твоему, он может не пойти, когда госпожа зовет его? Конечно, вы оба были бы в состоянии выкинуть такую штуку!

Марта, не обращая внимания на выговор, подошла к двоюродному брату и положила руку ему на плечо.

– Ты пойдешь? – тихо повторила она. Ульрих, мрачно уставившись в пол, как будто боролся с самим собой, потом вдруг быстро поднял голову.

– Конечно, пойду! Я желал бы знать, что, собственно, ей угодно от меня, после того как в течение целой недели она не потрудилась даже...

Он вдруг осекся, сообразив, что сказал слишком много. Рука Марты соскользнула с его плеча, и она отошла от него, а отец, вздохнув, сказал:

– Сохрани Бог, если ты и там будешь так разговаривать. На беду еще старик Берков приехал вчера вечером. Стоит только вам встретиться, как тебе не быть больше штейгером, а мне шихтмейстером! Я ведь хорошо знаю его.

Презрительная улыбка мелькнула на губах молодого человека.

– Не беспокойся, отец! Они не сомневаются в твоей преданности и отлично знают, сколько горя причиняет тебе твой непослушный сын, не желая подчиниться им. Тебе ничего не будет, да и я пока еще тоже останусь здесь, – сказал Ульрих с достоинством, гордо выпрямившись во весь рост. – Они не посмеют прогнать меня, потому что слишком боятся.

Он повернулся к отцу спиной и, толкнув дверь, вышел из комнаты. Шихтмейстер всплеснул руками, собираясь разразиться вдогонку своему непокорному сыну громовой речью, но Марта помешала ему, решительно приняв сторону Ульриха. Устав спорить, старик схватил свою трубку и направился к двери.

– Слушай, Марта! – обратился он к ней с порога. – Вижу, вы с Ульрихом по упрямству два сапога пара. Но и на него найдется управа, не будь я Готхольд Гартман.

Тем временем на хозяйской вилле шли приготовления к большому обеду. Лакеи бегали взад и вперед по лестницам, в кладовых и на кухне хлопотали повара и служанки; во всем доме царил та беспокойная суета, которая всегда предшествует большим праздникам.

Тем больший контраст представляла тишина на половине молодого Беркова. Шторы и портьеры были спущены, лакей, обходивший комнаты и осматривавший, все ли в порядке, осторожно ступал по толстому ковру, он отлично знал, что молодой господин, находившийся

в соседней комнате, предпочитал проводить большую часть дня лежа на диване и не любил, чтобы его беспокоил хоть малейший шум.

Молодой наследник лежал, растянувшись на диване, полузакрыв глаза и держа в руках книгу, которую читал, или, вернее, делал вид, что читает, так как она довольно долго была открыта на одной и той же странице. Вероятно, ему стоило большого труда перевернуть лист; наконец книга выскользнула из небрежно державшей ее изящной руки и упала на ковер. Не трудно было нагнуться и поднять ее, еще легче – позвать для этого лакея из соседней комнаты, но ни того, ни другого не было сделано. Книга осталась на ковре, а Артур в течение следующей четверти часа не произвел ни малейшего движения: по его лицу нельзя было понять, думал ли он о прочитанном или предавался мечтам, на самом деле он просто скучал.

Довольно неосторожный стук дверью, которая вела из коридора в соседнюю комнату, и раздавшийся затем громкий повелительный голос положил конец этому интересному занятию. Старик Берков, войдя в комнату, спросил у слуги, здесь ли еще молодой господин, и, получив утвердительный ответ, приказал ему удалиться, отвернул портьеру и вошел к сыну. Его красное от гнева и мрачное лицо сделалось еще мрачнее при виде сына.

– Итак, ты все еще лежишь на диване, точно так же, как и три часа тому назад?

Артур, по-видимому, не привык оказывать уважение отцу даже внешними знаками. Он не обратил ни малейшего внимания на его приход и не подумал изменить свою небрежную позу.

Отец нахмурился еще больше.

– Твои безучастие и лень начинают превосходить всякое терпение. Здесь ты ведешь себя еще хуже, чем в городе. Я надеялся, что ты по крайней мере исполнишь мое желание, примешь какое-нибудь участие в предприятиях, которые я затеял единственно ради тебя, но...

– Боже мой, папа, – прервал его молодой человек, – неужели ты требуешь, чтобы я занимался рабочими, машинами и тому подобным? Я этого никогда не делал и не понимаю даже, зачем ты отправил нас именно сюда. Я умираю от тоски в этой пустыне.

В его словах в самом деле звучала скука, он произнес их тоном избалованного ребенка, привыкшего к исполнению всех своих капризов и считавшего даже оскорбительным предположение о чем-нибудь неприятном для него. Но, очевидно, что-то очень рассердило отца, потому что на этот раз он не уступил по обыкновению тотчас же. Он только пожал плечами.

– Я уже привык к тому, что ты всегда и везде скучаешь, а я один должен обо всем заботиться. К тому же на меня со всех сторон надвигаются неприятности. Твоя расточительность в последнее время стала обременительной даже для моих возможностей; довольно дорого стоило устроить дела Виндегов, и здесь меня встречают бесконечные неудачи. Я провел сегодня утром совещание с директором и главными служащими и должен был все время выслушивать одни жалобы. Капитальный ремонт шахт, повышение платы рабочим, новые приспособления для безопасности шахтеров и тому подобные глупости... Как будто у меня есть на это время и деньги!

Артур слушал совершенно безучастно; если его лицо и выражало что-нибудь в эту минуту, то главным образом желание, чтобы отец поскорее ушел. Однако тот не доставил ему этого удовольствия, он начал быстро ходить взад и вперед по комнате.

– Доверься только служащим и их отчетам! Я полгода не был здесь, и все пошло кувырком. Толкуют о волнениях среди рабочих, о подозрительных симптомах, об угрожающей опасности, как будто не в их власти натянуть как можно крепче вожжи. Главный зачинщик всего – Гартман, на которого товарищи смотрят, как на нового Мессию и который подстрекает всех рабочих. А когда я спрашиваю, какого черта они держат такого человека и до сих пор не прогнали его, то получаю в ответ, что они не смеют этого сделать. Он до сих пор ничем не провинился, аккуратно является на работу, и все товарищи боготворят его; рабочие поднимут бунт, если его уволить без всякой причины. Я объявил этим господам, что все они трусы и что я сам

примусь теперь за дело. Все останется по-прежнему, в том числе и заработная плата рабочим; за малейшую провинность будет строго взыскиваться, а господину зачинщику я сам откажу сегодня же.

– Это невозможно, папа! – вдруг сказал Артур, приподнимаясь с дивана.

Берков остановился в изумлении.

– Почему?

– Потому что этот самый Гартман остановил наших лошадей и этим спас нас от верной смерти.

У Беркова вырвалось подавленное восклицание ярости.

– Какая досада! Надо же было, чтобы это сделал непременно он. Конечно, в таком случае его нельзя прогнать без всякой причины, придется подождать случая. Кстати, Артур, это очень дурно с твоей стороны, что я узнал о несчастье от посторонних. Ты не потрудился написать мне ни слова, – сказал Берков, с укоризной глядя на сына.

– К чему? – возразил молодой человек и с усталым видом подпер голову рукой. – Все кончилось благополучно, и, кроме того, нас замучили изъявлениями сочувствия, расспросами, толками и поздравлениями. Я не нахожу жизнь такой драгоценной, чтобы поднимать шум по случаю ее спасения.

– Вот как? – протянул отец, пристально глядя на него. – Ведь ты только накануне обвенчался!

Артур ничего не ответил, только пожал плечами. Отец еще внимательнее посмотрел на него.

– Раз уже мы коснулись данной темы, скажи, пожалуйста, что произошло между тобой и женой? – быстро спросил он.

– Между мной и женой? – повторил Артур, будто стараясь сообразить, о ком, собственно, идет речь.

– Да, между вами. Я думал, что у вас медовый месяц, и вдруг вижу такие отношения, о которых не мог даже и вообразить в резиденции. Ты едешь верхом один, она катается без тебя, вы не бываете друг у друга в комнатах и намеренно избегаете встречи, а если вам приходится встречаться, вы не перекинетесь и парой слов. Что все это значит?

Молодой человек поднялся с дивана и стоял перед отцом все с тем же сонным видом.

– Ты обнаруживаешь такую осведомленность, какая никоим образом не могла явиться следствием нашего вчерашнего получасового свидания. Ты, вероятно, расспрашивал слуг?

– Артур!

Берков хотел рассердиться, но привычная снисходительность к сыну заставила его простить ему и эту грубость.

– Здесь, кажется, еще не привыкли к светскому образу жизни, – продолжал беспечно Артур. – А мы в этом отношении вполне светские люди. Ведь ты так любишь все аристократическое, папа!

– Оставь шутки, – нетерпеливо сказал Берков. – Неужели с твоего согласия твоя супруга так игнорирует тебя, что об этом идет разговор по всей колонии?

– Во всяком случае, я даю ей полную свободу делать то же, что делаю сам.

Берков с гневом вскочил со стула.

– Это уж слишком! – воскликнул он. – Артур, ты...

– Не таков, как ты, папа! – холодно прервал его сын. – Я по крайней мере не вынуждал девушку согласиться на брак, держа в руках векселя ее отца.

Краска исчезла с лица Беркова, и он невольно отступил на шаг, спросив неуверенно:

– Что... что это значит?

Артур выпрямился во весь рост, и глаза его, устремленные на отца, несколько оживились.

– Барон Виндег был разорен – это известно всему свету. Кто его разорил?

– Откуда я знаю? – усмехнулся Берков. – Его расточительность, желание изображать большого аристократа, будучи кругом в долгах! Он погиб бы и без меня!

– В самом деле? Так ты не преследовал никакой цели? Барону не было поставлено условие: либо отдать дочь, либо приготовиться к самому худшему? Он добровольно согласился на наш союз?

Берков натянуто засмеялся.

– Конечно! Кто же тебе сказал, что это было иначе?

Но, несмотря на уверенный тон, он робко опустил глаза. Вероятно, никогда в жизни этот человек не отводил глаз, когда его обвиняли во лжи, а теперь сделал это перед сыном. По усталому лицу молодого человека пробежала горестная тень: если до сих пор он еще сомневался, то теперь сомнения развеялись – он знал достаточно.

После минутной паузы Артур снова заговорил:

– Ты знаешь, что я никогда не испытывал желания жениться и согласился на это только вследствие твоих неотступных просьб. Я был равнодушен к Евгении Виндег так же, как и ко всем другим девушкам, я не знал ее совсем, но она была не первая, добровольно пожертвовавшая своим знатным именем ради богатства – так по крайней мере расценивал я согласие ее и ее отца. Ты не счел нужным сообщить мне о том, что произошло перед сватовством и после него, я должен был из уст самой Евгении узнать о постыдном торге, предметом которого мы были. Оставим все это в покое, дело кончено, и вернуть ничего нельзя, но ты поймешь теперь, что я стараюсь не подвергаться новым унижениям. Я не желаю еще раз выслушивать от жены то, что пришлось выслушать мне в тот вечер, когда она с презрением говорила обо мне и моем отце, а я должен был молчать.

Берков, стоявший до сих пор молча и отвернувшись, при последних словах сына вдруг обернулся к нему и окинул его удивленным взглядом.

– Я не думал, чтобы тебя могло что-нибудь так раздражать, – медленно произнес он.

– Раздражать? Меня? Ты ошибаешься. Мы не дошли до этого. Моя супруга изволила с самого начала стать на недосыгаемый пьедестал своих высоких добродетелей и аристократического высокомерия, так что мне, находящемуся в этом отношении гораздо ниже ее, оставалось только издали удивляться ей. Советую и тебе поступить так же, если вообще тебе удастся добиться счастья иногда лицезреть ее...

Он снова небрежно и равнодушно опустился на диван; но, несмотря на насмешливый тон, в голосе его слышалось раздражение, что не ускользнуло от отца. Берков покачал головой; роль, которую он играл в этом щекотливом деле, была слишком мучительна для него, и потому он постарался как можно скорее избавиться от нее.

– Мы еще поговорим об этом в более удобное время! – сказал он, смотря на часы. – На сегодня довольно. Еще остается два часа до приезда гостей, я успею побывать в верхних рудниках. Ты не поедешь со мной?

– Нет! – сказал Артур, погружаясь в прежнюю сонливость.

Берков и не пытался на этот раз употребить свой авторитет, возможно, после такого разговора этот отказ был ему даже приятен. Он вышел из комнаты сына, который, судя по наступившей тишине, опять предался прежней лени.

В этот первый весенний день, когда солнышко ласково приветствовало землю, горы благоухали и леса сверкали изумрудной зеленью, Артур Берков лежал в полутемной комнате со спущенными шторами, как будто он один во всем мире не имел права дышать свежим горным воздухом и наслаждаться светом солнца. Воздух казался ему резким, а солнце слишком ярким. Картины весенней природы ослепляли его, и он чувствовал себя расстроенным и усталым. Молодой человек, богатый и обладающий всем, что может дать жизнь, находил, что случалось с ним довольно часто, эту жизнь такой пустой и ничтожной, что не стоило даже и родиться.

Глава 5

Блестящий, безумно роскошный обед, на котором присутствовало многочисленное общество, кончился. Берков испытывал особенную гордость. Все дворяне из соседнего города, в том числе и особы, играющие видную роль в обществе, на этот раз сделали исключение, приняв приглашение выскочки, которого они вследствие его сомнительного прошлого до сих пор не допускали в свой круг. Но теперь на пригласительных билетах стояла подпись Евгении Берков, урожденной баронессы Виндег, которая была и осталась отпрыском одного из древнейших дворянских родов; ее не могли и не хотели оскорбить отказом, тем более что ни для кого не была тайной причина, заставившая ее согласиться на этот союз. И если к молодой женщине относились с полнейшим почтением и сочувствием, то и свекру ее, в доме которого происходило празднество, оказывали должное уважение. Берков торжествовал, понимая, что это только увертюра к тому, что должно происходить зимой в резиденции. Высшее общество столицы, конечно, не отвернется от баронессы Виндег, которая пожертвовала своим именем из любви к отцу, следовательно, Берков мог надеяться, что достигнет цели, к которой так страстно стремился.

Если честолюбивый миллионер чувствовал себя обязанным быть признательным невестке, несмотря на то, что она сегодня держала себя как принцесса и была еще недоступнее для него и для круга его друзей, то поведение сына чрезвычайно удивило и рассердило его. Артур, вращавшийся исключительно в аристократическом кругу, казалось, вдруг потерял интерес к подобному обществу. Он был так холодно вежлив со своими знатными гостями, а с офицерами гарнизона, с которыми прежде находился на самой короткой ноге, держал себя так сдержанно, что не раз приближался к границе, переступить которую хозяин не может себе позволить, не оскорбив гостей. Берков не мог понять этого нового каприза сына. Что такое он задумал? Может быть, хотел выразить протест супруге, умышленно избегая ее гостей? Те из городских гостей, которые явились с дамами, уехали вскоре после обеда, потому что длинный путь в темноте по дороге, размытой продолжительными дождями, был небезопасен; их отъезд дал возможность хозяйке дома удалиться в свои комнаты. Евгения оставила приемные покои и ушла к себе, а ее муж и свекор остались с гостями.

Ульрих Гартман явился в назначенный час. Он не был в господском доме с тех пор, как умерла госпожа Берков и с ее смертью прекратилась связь его родителей с ее домом, а он тогда был еще ребенком. Вообще вилла хозяина, с ее террасами и садами, являлась для рабочих недоступным эльдорадо; там редко можно было встретить кого-нибудь из них, а если они и приходили, то либо по делу, либо по специальному приглашению.

Ульрих прошел высокую, богато убранную цветущими растениями переднюю и поднялся по лестнице, устланной ковром, в ярко освещенные коридоры, где его встретил слуга, приходивший к нему утром, и проводил в приемную, сказав, что госпожа сейчас придет.

Большая, со вкусом обставленная комната, в которую вошел Ульрих, была одной из многочисленных парадных комнат, совершенно пустых в эту минуту. Общество находилось в столовой, выходящей в сад, следовательно, в совершенно противоположной стороне дома, но пустота и тишина, царившие в этих покоях, еще больше подчеркивали их великолепие. Широко раздвинутые портьеры давали Ульриху возможность видеть всю анфиладу прекрасных комнат, каждая из которых, казалось, хотела перещеголять другую роскошью убранства. Обитые темным бархатом стены словно уменьшали свет, но тем ярче играл он на щедро вызолоченных украшениях стен и дверей, на шелковой и атласной обивке мебели, в высоких, доходивших до потолка, зеркалах и даже на гладком, как лед, паркете, тем ярче освещал он дорогие картины, статуи и вазы, в избытке украшавшие все эти комнаты. Все, что могут дать богатство

и роскошь, было собрано здесь; такое изобилие изящества и блеска могло ослепить человека, привыкшего к простоте и сроднившегося с темнотой шахт.

Но все это, наверняка смутившее бы любого из его товарищей, не произвело никакого впечатления на Ульриха. Глаза его с недобрим блеском, но без всякого удивления скользили по роскошно убранным комнатам. Он смотрел на расставленные драгоценные вещи, как будто имел с ними какие-то счеты, и вдруг, словно в порыве ненависти, повернулся к ним спиной и слегка, но энергично топнул ногой, выражая нетерпение, что никто не появился до сих пор. Ульрих Гартман, очевидно, не привык дожидаться, пока соблаговолит его принять.

Наконец за его спиной что-то зашуршало. Он обернулся и невольно отступил: в нескольких шагах от него стояла Евгения Берков, ярко освещенная люстрой. До сих пор он видел ее всего один раз, когда вынес из кареты, в темном шелковом дорожном платье, причем дорожная шляпа и вуаль наполовину скрывали ее лицо, и у него в памяти сохранились только устремленные на него большие темные глаза. Теперь же... о, конечно, женщина, стоявшая перед ним, была не она. Тонкое белое кружево покрывало такого же цвета шелковое платье, украшенное розами, свободно прикрепленными, так что создалось впечатление, будто они висят в воздухе; гирлянда таких же роз извивалась в роскошных белокурых волосах, матовый блеск которых словно спорил с блеском жемчуга, украшавшего ее шею и руки. Залитая ярким светом хрустальных люстр, эта очаровательная женщина казалась ему каким-то неземным видением, которого не смело и не должно было касаться ничто житейское, обыденное; роскошная обстановка служила блестящей рамой этому призраку. Хотя в Евгении сразу видна была надменная и знатная светская дама, глаза ее говорили, что она могла быть и другим существом, особенно теперь, когда они с явным удовольствием разглядывали молодого человека. Приблизившись к нему, она спокойно сказала:

– Я очень рада, что вы пришли на мой зов. Я хотела с вами поговорить, чтобы разрешить одно недоразумение. Идите, пожалуйста, за мной!

Она отворила боковую дверь и вошла в соседнюю комнату, куда за ней последовал и Ульрих. Это была гостиная Евгении, отделявшая ее покои от парадных комнат, и представлявшая резкий контраст с последними. Умеренный свет лампы под матовым абажуром мягко озарял голубые стены и шелковые подушки мебели; пушистый ковер заглушал звуки шагов; запах цветов разливался в теплом воздухе. Ульрих, которого никогда и ничто не смущало, остановился как вкопанный на пороге – здесь было так сказочно хорошо, гораздо лучше, чем в парадных комнатах! В нем уже угасла ненависть, вспыхнувшая было при виде чрезмерной роскоши, в сердце шевельнулось что-то другое, чего он прежде никогда не испытывал, чего не мог даже назвать, что-то родственное этой обстановке, так странно очаровавшей его. И вдруг в нем возникло чувство сильного гнева на это небывалое ощущение; он инстинктивно почувствовал, что ему грозит опасность, и все существо его восстало против той атмосферы красоты и неги, что обволакивала его. Евгения остановилась, удивленная тем, что молодой рудокоп не следовал за ней; она опустилась в кресло у двери и устремила на него пристальный взгляд. Кудрявые белокурые волосы совершенно закрывали свежий еще шрам от раны, которая могла оказаться смертельной для любого другого и никак не отразилась на его могучей натуре. Евгения напрасно искала в его лице следов перенесенных страданий.

– Итак, вы совсем поправились? Ваша рана в самом деле не болит больше?

– Нет, госпожа! О ней и говорить не стоило! Евгения сделала вид, что не заметила резкого тона его ответа, и продолжала так же доброжелательно:

– Я, разумеется, на другой же день знала от доктора, что опасности нет, а то мы позаботились бы об уходе за вами. Доктор уверил меня после вторичного визита к вам, что об опасности не может быть и речи, и господин Вильберг, посланный к вам вечером того рокового дня, подтвердил это.

При первых ее словах Ульрих поднял голову и пристально посмотрел на нее; угрюмое лицо его постепенно прояснилось, и голос смягчился, когда он сказал:

– Я не знал, что вы так заботились обо мне. Господин Вильберг не сказал мне, что вы послали его, я...

– Вы приняли бы его в таком случае любезнее! – добавила Евгения с легким упреком. – Он жаловался на вашу резкость в тот вечер, тогда как сам он принимал в вас большое участие и любезно вызвался доставить мне желаемое известие. Что вы имеете против господина Вильберга?

– Ничего! Только он играет на гитаре и сочиняет стихи.

Евгения невольно улыбнулась при этой несколько странной, но меткой характеристике молодого служащего.

– По-видимому, в ваших глазах это не является достоинством, – сказала она шутливо, – думаю, что вас едва ли можно было бы обвинить в подобных грехах, если бы вы занимали такое же положение в обществе, как господин Вильберг. Но оставим это. Я позвала вас не за тем. Я слышала... – Евгения в замешательстве играла веером. – Я слышала от господина директора, что вы отказались принять доказательство нашей благодарности, которое мы поручили передать вам.

– Да! – сурово ответил Ульрих.

– Я очень сожалею, что наше предложение или способ передачи его оскорбили вас. Господин Берков, – Евгения покраснела, произнося эту ложь, – хотел лично выразить вам свою и мою благодарность, но ему помешали, и он попросил господина директора исполнить это вместо него. Мне было бы очень неприятно, если бы вы усмотрели в этом неблагодарность или равнодушие с нашей стороны к человеку, который спас нам жизнь. Мы оба понимаем, чем обязаны вам, и надеюсь, что вы не откажетесь, если я попрошу вас, теперь, из моих рук...

Ульрих вздрогнул. Начало разговора подействовало на него смягчающим образом, но конец испортил все дело. Он побледнел, догадавшись, о чем пойдет речь, и резко прервал ее:

– Оставьте это! Если вы предлагаете мне такое, то я жалею, что не дал карете опрокинуться со всем ее содержимым.

Евгения отшатнулась при этом внезапном взрыве необузданной дикости, из-за которой все так боялись Ульриха Гартмана. Дочери барона Виндега никогда не приходилось слышать подобного тона и испытывать на себе такой взгляд, ведь она никогда еще не общалась близко с людьми этого круга. Она поднялась со своего места, крайне оскорбленная.

– Я вовсе не хотела навязывать вам нашей благодарности! Если вам выражение ее так неприятно, то я сожалею, что позвала вас.

Она повернулась к нему спиной, намереваясь выйти из комнаты, но это движение заставило Ульриха опомниться. Он быстро сделал несколько шагов к ней.

– Я... простите меня! Вас я не хотел огорчить!

В этом восклицании звучало такое искреннее раскаяние, что Евгения остановилась в удивлении и внимательно взглянула на него, стараясь в выражении его лица найти ключ к разгадке этого странного существа, – его пылкие слова смягчили ее гнев.

– Меня? – повторила она. – А когда вы других оскорбляете своей резкостью, например, господина директора, господина Вильберга, вам, значит, все равно?

– Да! – мрачно ответил Ульрих. – И им, и мне все равно. Между служащими и нами, рабочими, не может быть и речи о дружбе.

– Не может? – спросила Евгения смущенно. – Я и не знала, что отношения между служащими и рабочими так натянуты, и господин Берков, кажется, тоже не подозревает этого, а то постарался бы как-нибудь наладить их.

– Господин Берков, – сказал резко Ульрих, – вот уж двадцать лет думает только о наживе, но не о рабочих, и это будет продолжаться до тех пор, пока мы сами не начнем заботиться о себе, а тогда... ах, извините, я совсем забыл, что вы жена его сына... Простите!

Молодая женщина молчала, пораженная его беспощадной откровенностью. То, что она узнала сейчас, ей уже приходилось иногда слышать о своем свекре в виде намеков. Но страшная горечь, звучавшая в словах молодого рудокопа, показала ей всю глубину пропасти, которую Берков вырыл между собой и своими подчиненными. Кто порицал Беркова, мог всегда рассчитывать на симпатию его невестки; она на себе испытала, каково быть жертвой его цинизма, однако, будучи женой его сына, не осмеливалась ничем обнаружить этого, и потому, не желая выговаривать молодому человеку, предпочла сделать вид, что не поняла его слов.

– Итак, вы не хотите принять благодарность даже из моих рук, – возобновила она прежний разговор, чтобы уклониться от опасной темы. – В таком случае мне остается только словами выразить свою признательность человеку, спасшему меня от верной смерти. Может быть, вы и это отвергаете? Благодарю вас, Гартман!

Она протянула ему руку. Эта нежная и белая рука только несколько секунд пролежала в жесткой мозолистой руке молодого рудокопа, но прикосновение ее произвело на него странное действие: вся горечь исчезла, и мрачный взгляд смягчился. Его упрямая голова склонилась, и он нагнулся к протянутой ему руке с выражением кротости и смирения, чего никто из стоящих выше его в общественном положении никогда еще не замечал в Ульрихе Гартмане.

– А, вы дадите здесь аудиенцию, Евгения, да еще одному для наших рабочих? – раздался сзади нее голос старика Беркова, который в эту минуту отворил дверь и вошел в комнату вместе с сыном.

Евгения отняла руку, а Гартман быстро выпрямился; ему достаточно было услышать этот голос, чтобы принять прежнее выражение затаенной неприязни, которая стала особенно заметна, когда Артур грубо, что очень противоречило его обычно вялому тону, спросил его:

– Гартман, как вы попали сюда?

– Гартман? – повторил Берков, внимание которого привлекло это имя, и сделал шаг вперед. – А, так вот он, господин агитатор, который...

– Который остановил наших лошадей и спас нам жизнь, получив при этом рану, – спокойно, но твердо прервала его Евгения.

– Да? – сказал Берков, выведенный из терпения этим напоминанием и решительным тоном невестки. – Да, конечно. Я уже слышал об этом; директор говорил мне также, что вы и Артур отблагодарили его за это. Молодой человек пришел сюда, вероятно, выразить признательность за подарок? Итак, вы довольны, Гартман?

Ульрих угрожающе нахмурил лоб, и ответ, готовый сорваться у него с языка, наверняка навлек бы на него большие неприятности, но Евгения подошла ближе к своему протеже и предостерегающе слегка дотронулась веером до его руки. Он понял ее жест, взглянув на нее и заметив в ее глазах опасение за него; все его упрямство и ненависть исчезли, и он ответил спокойно, почти холодно:

– Да, господин Берков. Я доволен благодарностью молодой госпожи.

– Очень рад! – сказал сухо Берков.

– Я могу теперь уйти? – спросил Ульрих, обращаясь к Евгении.

Она молча наклонила голову в знак согласия. Она видела, как трудно было ему владеть собой. Деланно поклонившись хозяину и его сыну, что отлично было замечено обоими, Ульрих вышел из комнаты.

– Надо сознаться, Евгения, что ваш протеже совсем не знаком с правилами приличия, – насмешливо сказал Берков. – Он уходит без церемонии, не дожидаясь позволения. Конечно, где же эти люди могут научиться хорошим манерам! Артур, ты, кажется, считаешь этого Гартмана какой-то диковиной, что так долго смотришь ему вслед?

Артур, действительно, очень пристально смотрел на удалявшегося рудокопа, даже после того, как за ним затворилась дверь, он продолжал смотреть в ту сторону.

Брови его были слегка нахмурены, губы плотно сжаты. Он оглянулся, услышав вопрос отца, который между тем любезно подошел к своей невестке.

– Мне очень жаль, Евгения, что совершенное незнание здешних порядков завело вас слишком далеко в вашей снисходительности. Вы, конечно, не могли иметь ни малейшего подозрения о том, какую роль играет этот человек среди своих товарищей, он не должен входить в дом, а тем более в вашу гостиную, даже под предлогом благодарности за полученный подарок.

Молодая женщина опять села в кресло, но с таким выражением лица, которое заставило ее свекра устроиться не рядом с ней, как он намеревался, а напротив; казалось, она и его заставляла «любоваться ею издали».

– Вам, как я вижу, сообщили не все об этом деле, – холодно возразила она. – Когда вы последний раз говорили с директором?

– Сегодня утром я узнал от него, что ему поручено передать Гартману известную сумму денег, которую я, говоря откровенно, нахожу слишком крупной. Ведь это целое состояние для таких людей! Тем не менее, я не хочу давать предписаний ни вам, ни Артуру, если вы находите нужным выразить свою признательность в таких размерах.

– Так, значит, вы еще не знаете, что молодой человек отказался от этих денег?

– От... отказался? – вскричал Берков, вскочив со стула.

– Отказался? – повторил Артур. – Почему?

– Вероятно, потому, что его оскорбило вознаграждение в виде денег, переданных через другое лицо, тогда как те, кого он спас, не потрудились даже прибавить к этому ни одного слова благодарности. Я, впрочем, постаралась исправить наш промах, но, конечно, не могла убедить его взять хоть сколько-нибудь денег. Кажется, господин директор не сумел этого «отлично устроить».

Артур закусил губы, он знал, к кому относились эти слова, хотя и были сказаны отцу.

– Значит, ты сама позвала его сюда? – спросил он.

– Конечно.

– Я бы желал, чтоб вы больше этого не делали, – сказал Берков с раздражением. – На Гартмана со всех сторон указывают как на революционера, агитирующего среди рабочих, и я намерен поступить с ним по всей строгости. Теперь я убедился, что мне говорили правду. Человек отвергает такую сумму только потому, что ему предложили ее без соблюдения церемоний, которых требует его высокомерие. Да, конечно, он на все способен. Я должен вам напомнить, Евгения, что моя невестка обязана поступать сообразно с известными условиями даже тогда, когда дело касается доказательств ее признательности.

Евгения ответила на эти слова свекра презрительной улыбкой. Напоминание о том, к чему он ее принудил, менее всего могло заставить ее исполнить его желание. Чувство поправленного достоинства вновь дало о себе знать и заставило ее пренебречь даже вполне справедливыми требованиями свекра.

– Очень жаль, господин Берков, что для меня, кроме обязанностей вашей невестки, существуют, оказывается, и некоторые другие, – холодно возразила она. – Это был исключительный случай, и, надеюсь, вы позволите мне и впредь поступать в таких обстоятельствах в соответствии со своими убеждениями.

Перед Берковым была опять баронесса Виндег, указывающая мещанину-миллионеру его настоящее место, но он то ли был раздражен предметом спора, то ли на него слишком подействовали обильные возлияния за обедом, только на этот раз он не выказал обычной почтительности к невестке, а возразил ей в довольно раздражительном тоне:

– В самом деле? Ну, так я попросил бы вас подумать...

Он не закончил своей фразы, потому что Артур, бывший до сих пор безучастным зрителем, вдруг очутился рядом с женой и сказал спокойно:

– Прежде всего я попрошу тебя, папа, прекратить этот неприятный спор. Я предоставил Евгении полную свободу действий и не желаю, чтобы кто-нибудь стеснял ее в поступках.

Берков посмотрел на сына, как бы не веря своим ушам; он привык к тому, что Артур безучастно относился к подобным сценам, и потому был крайне удивлен его вмешательством и тем, что он принял сторону жены.

– В тебя, кажется, вселился дух противоречия, – насмешливо бросил он сыну. – Против объединенных сил я должен буду обратиться в бегство, тем более что мне надо докончить кое-какие дела. Надеюсь, Евгения, что вы завтра будете не в таком воинственном настроении, а вы, мой сын, уступчивее, чем сегодня. До свидания!

Раздосадованный Берков, уходя из гостиной, не подозревал, что своим внезапным удалением поставил молодых людей в трудное положение. С того памятного вечера они избегали оставаться наедине друг с другом и виделись только при посторонних или за столом в присутствии слуг, и это неожиданное *tet-a-tet*, казалось, было одинаково неприятно обоим. Артур понимал, что не может уйти вслед за отцом, не сказав жене хотя бы двух-трех слов, но прошло несколько секунд, прежде чем он на это решился, так что Евгения предупредила его.

– Ты совершенно напрасно пришел мне на помощь! – сказала она холодно. – Я и одна отстояла бы свою независимость.

– Я несколько не сомневаюсь в этом, – возразил Артур так же холодно, – но я не уверен в деликатности своего отца. Он намеревался заговорить о некоторых вещах, от которых я хотел бы избавиться и тебя, и себя. Вот единственная причина моего вмешательства.

Молодая женщина молча откинулась на спинку кресла, а ее супруг, стоявший у стола, взял лежавший там веер и начал с притворным вниманием рассматривать его украшения. Наступила вторая, еще более неприятная пауза; наконец Артур заговорил снова:

– Впрочем, относительно истории с Гартманом, признаюсь откровенно, меня удивляет проявленная тобой самоотверженность. Подобные личности, как и вообще люди этого круга, должны быть тебе крайне антипатичны.

Евгения мрачно взглянула на него широко открытыми глазами.

– Мне антипатичны только слабость и посредственность! Я уважаю всякого, кто энергично отстаивает свое достоинство, каково бы ни было его общественное положение.

Она говорила резко. Артур все еще играл веером, но рука, державшая его, нервно вздрагивала, и губы слегка подергивались. При словах «слабость» и «посредственность» легкая дрожь пробежала по его телу, но лицо выражало полнейшее равнодушие.

– Какие возвышенные взгляды! – сказал он небрежно. – Я боюсь только, что они изменятся, когда ты ближе познакомишься с этим диким, грубым человеком.

– Этот молодой рудокоп – недюжинная натура, – решительно заявила Евгения. – Он может быть дик и необуздан, как все сильные люди, которые становятся опасными, если им не дать надлежащего направления; я не нахожу его даже грубым.

В голосе ее звучало что-то задушевное, между тем в глазах Артура, устремленных на жену, сверкнул какой-то таинственный огонек.

– Кажется, ты уже приобрела какую-то магическую власть над этой «дикой необузданной натурой», которая готова была проявить себя не совсем приличным образом по отношению к моему отцу, а ты одним движением веера превратила разъяренного льва в кроткого ягненка!

Тонкая белая рука молодого человека так сильно сжала веер, что тому грозила серьезная опасность.

– И как рыцарски склонился он над протянутой ему рукой! – продолжал он насмешливо. – Если бы мы не вошли в комнату, он, пожалуй, попытался бы, как и надлежит настоящему кавалеру, поцеловать эту руку.

Евгения быстро поднялась.

– Я боюсь, Артур, что этот человек вызовет когда-нибудь у тебя и твоего отца не насмешку, а нечто другое, и я, право, не знаю, хорошо ли делает твой отец, доводя своих рабочих до такого озлобления, ведь это обернется против него самого.

Артур все еще пристально смотрел на стоявшую перед ним жену. И это шуршащее шелковое платье, и тонкое кружево с разбросанными по нему розами, и блеск жемчуга – все это не было ново для него, так же как и прелестная белокурая головка с темными, сверкающими теперь негодованием глазами. Может быть, ему было ново участие, с которым она заступилась за своего протеже. Он продолжал говорить тем же небрежно-насмешливым тоном, которого придерживался все время, но в глубине души был страшно раздражен... и вееру пришлось очень плохо. Изящные, художественной работы пластинки слоновой кости разлетелись в мелкие куски, когда он швырнул веер на кресло.

– Спаситель нашей жизни, вероятно, прочел тебе лекцию о социализме. Жаль, что мне не пришлось присутствовать при этом. Впрочем, Гартман в некотором роде достопримечательность: он сделал то, что до сих пор не удавалось никому, – дал повод к оживленной беседе между нами. Но, мне кажется, интерес этой темы уже исчерпан, как ты думаешь?

Появившийся с докладом слуга положил конец их разговору, и Артур воспользовался случаем, чтобы удалиться, по обыкновению холодно и вежливо простившись со своей супругой. Оставшись одна, Евгения начала нервно расхаживать по комнате, с трудом сдерживая волнение. Она была возмущена бессердечным отношением этих людей к Ульриху, но не только это заставило ее так волноваться и вызвало краску гнева на ее лице.

Почему она не могла относиться к мужу с таким же презрением, как к его отцу? Что же, разве он лучше отца? В безграничной беспечности Артура было что-то такое, что могло отразить всякий удар, а иногда даже давало ему некоторое преимущество перед страстной женщиной, которая часто действовала под влиянием порыва. Как он был унижен в тот вечер, когда она с беспощадной откровенностью открыла ему истину, как не прав оказался он сегодня, когда она обнаружила ошибочность его суждений о человеке, спасшем им жизнь. И в обоих случаях Артур держал себя так, что от него нельзя было отделаться, уничтожить его презрением. Она не хотела ни за что признаться даже самой себе, как ее оскорблял тот факт, что муж не сделал ни малейшей попытки изменить их действительно холодные отношения. Конечно, любую такую попытку она отринула бы гордо и презрительно, но она выходила из себя, потому что попытки этой не было и она не могла поступить, как ей хотелось, главным же образом потому, что не давала себе труда сделать хоть один шаг за пределы, которые сама себе поставила. Евгения обычно быстро решала вопросы любви и ненависти, а потому еще до свадьбы определила, какие чувства должна питать к мужу. Но ей почему-то неловко было относиться к нему так же свысока, как к его отцу. Молодая женщина смутно чувствовала это, но не могла дать себе отчета, как могло зародиться в ней это чувство и что могло внушить его.

Выйдя в коридор, Артур встретил директора и главного инженера. Они оба только теперь возвращались домой после разговора с Берковым. Молодой Берков вдруг остановился.

– Позвольте спросить вас, господин директор, почему об отказе Гартмана принять назначенную ему сумму доложили прежде всего моей жене, и даже только ей одной, тогда как я ничего не знал об этом? – резко спросил он.

– Боже мой, – сказал директор, несколько смутившись, – господин Берков, я не знал, что вы придаете такое значение этому делу. Вы так решительно уклонились от всякого личного вмешательства, между тем как ваша супруга с самого начала приняла в нем горячее участие, и потому я счел своей обязанностью...

– Хорошо, – резко прервал его Артур, – желания моей супруги, конечно, должны всегда исполняться, но только я прошу вас в подобных деловых случаях, – последние три слова он

произнес с ударением, – не забывать и меня, как вы сделали на этот раз. Я желаю, чтобы впредь меня уведомляли первого... Это мое решительное и неизменное желание.

Сказав это, он отправился в свою комнату. Озадаченный директор взглянул на своего товарища.

– Что вы на это скажете?

Главный инженер засмеялся.

– Чудеса творятся и знамения! Молодой хозяин начинает заниматься делами! С тех пор, как я его знаю, с ним такого еще никогда не случалось.

– Но это вовсе и не деловой случай! – сердито воскликнул директор. – Это совершенно частное дело, и я догадываюсь, из-за чего все вышло. Гартман, вероятно, разговаривал с молодой хозяйкой, как обычно, дерзко и грубо. По-моему, было крайне рискованно приглашать в гостиную такого несдержанного и неотесанного человека. Ведь он способен сказать ей в лицо то, что заявил мне сегодня утром в конторе: «Мне не нужно никакой награды, и я не за деньги рисковал своей жизнью». Госпожу Берков это, конечно, возмутило, как, очевидно, и ее супруга... Да и от старика мне, вероятно, придется выслушать несколько любезностей за то, что я допустил эту аудиенцию.

– Ну, едва ли молодой хозяин будет возмущаться из-за своей супруги, – равнодушно заметил инженер, сходя с лестницы. – Мне кажется, ледяная атмосфера его супружества начинает мало-помалу распространяться на всех окружающих. Приближаясь к этим новобрачным, начинаешь ощущать близость снеговой области. Вы не находите?

– Я нахожу, что госпожа Берков была сегодня очаровательна. Немного холодна и высокомерна, но тем не менее восхитительна.

Главный инженер изобразил притворный ужас.

– Ради Бога, перестаньте! Ведь вы заговорили в духе Вильберга. Хорошо еще, что вам за пятьдесят! Кстати, о Вильберге. Он полностью погружен в романтическое обожание, но не думаю, чтобы оно вместе с неизбежными стихами могло возбудить ревность в молодом супруге. Кажется, тот так же мало расположен восхищаться своей красавицей женой, как и она принимать его восхищение. Мне это странно; ведь браки по расчету заключаются часто, но этот брак какой-то не такой, как прочие, думаю, что под ледяной коркой скрывается вулкан и, когда в один прекрасный день он начнет действовать, мы все почувствуем легкое землетрясение и переживем нечто вроде светопреставления. Конечно, «это было бы цветком поэзии в голой степи обыденной жизни», как сказал бы Вильберг, если бы был уверен, что извержение пощадит его и его гитару...

Глава 6

После празднества прошло уже более четырех недель. Господин Берков так и не испытал того удовольствия, на какое он рассчитывал от «сюрприза», приготовленного им для «своих детей», то есть от своего несколько преждевременного визита к новобрачным. Через пару дней он возвратился в резиденцию, где у него было множество разных дел. Теперь его ожидали вторично и, вероятно, на более продолжительное время. Жизнь новобрачных между тем несколько не изменилась; их отношения стали еще холоднее, образ жизни еще более светским. Оба они, кажется, с нетерпением ожидали окончания «медового месяца», который было решено провести в сельском уединении, затем летом предпринять более далекое путешествие и осенью возвратиться в резиденцию для постоянного жительства. Их будущие апартаменты уже были устроены старым Берковым с безумной расточительностью.

Ульрих Гартман возвращался домой после утренней смены, но на этот раз вынужден был значительно умерить свой обычно быстрый шаг, потому что рядом с ним шел Вильберг, который тоже возвращался домой из конторы и, встретив Ульриха, присоединился к нему.

Странно было наблюдать такие приятельские отношения одного из служащих со штейгером Гартманом, который не пользовался симпатиями начальства, но еще поразительнее то, что Вильберг сам добивался его дружбы; это, пожалуй, можно было объяснить тем, что крайности всегда сходятся, но здесь крылось нечто другое. Главный инженер, конечно, не подозревал, что его насмешливое замечание относительно Гартмана как героя интересного сюжета для баллады упало на благодатную почву. Вильберг всерьез задумал использовать этот сюжет, только сам еще не знал, что из этого получится: баллада, эпос или драма. Предварительно он решил, что его произведение будет содержать в себе все достоинства перечисленных жанров. На беду Ульриха, его мужественный и храбрый поступок навел начинающего поэта на мысль, что молодой рудокоп как раз годится для роли трагического героя, и Вильберг, чтобы изучить столь интересный характер, начал ходить по пятам за Ульрихом. А когда тот дерзнул с вызовом отвергнуть предложенное ему крупное денежное вознаграждение, чем заставил приосмиреть самого директора, тогда его сияющий романтический ореол уже не мог померкнуть в глазах Вильберга, несмотря на беспардонную грубость предмета его обожания и резкие замечания начальства, которому никак не нравилась эта странная дружба. Ульрих тоже не очень-то охотно служил объектом изучения, он часто с явным нетерпением пытался избавиться от навязчивого новоявленного приятеля, отмахиваясь от него, как от надоедливой мухи, но все было напрасно: Вильберг, забрав себе в голову, что перед ним герой, хотя грубый и несдержанный, решил изучить его во что бы то ни стало, и чем резче обращался с ним Ульрих, тем в больший восторг приходил поэт, оттого что характер его героя обрисовывается так рельефно. В конце концов молодой рудокоп махнул на него рукой и покорился неизбежному, а привычка довершила остальное, так что они достигли известной доверительности.

Дул холодный северный ветер; Вильберг тщательно застегнул свое пальто и завязал концы толстого шерстяного шарфа.

– Счастливец вы, Гартман, – сказал он со вздохом, – у вас геркулесовское здоровье. Вы спускаетесь в шахты, поднимаетесь оттуда, попадаете из тепла в холод, не боитесь резкого ветра, а я вот должен остерегаться всякой перемены температуры, к тому же у меня очень слабые нервы, я быстро устаю и раздражаюсь, и все оттого, что у меня дух преобладает над телом. Да, Гартман, все от избытка чувств и мыслей!

– Мне кажется, господин Вильберг, все оттого, что вы очень много пьете чая, – сказал Ульрих, с участием глядя на его маленькую, хилую фигуру. – Вы никогда не окрепнете, если будете постоянно глотать этот горячий напиток.

Вильберг свысока, с сознанием беспредельного превосходства посмотрел на своего советчика.

– Вы не понимаете, Гартман! Я не могу употреблять такой грубой пищи, как вы: у меня не такая организация, а что касается чая, то это эстетический напиток. Он оживляет меня и вдохновляет, когда после пошлых обыденных занятий в тихий вечерний час ко мне прилетает муза...

– Вы хотите сказать – когда сочиняете стихи? – сухо пресек его разглагольствования Ульрих. – Так вот для чего нужен чай! Вот оно дело-то в чем!

К счастью, в эту минуту в голове оскорбленного поэта мелькнула рифма, и, стараясь запомнить ее, он пропустил мимо ушей насмешку своего кумира.

Подходя к дому Гартманов, они заметили, что у ворот дома, очевидно, поджидая Ульриха, стояла Марта, разговаривая с высокой и стройной элегантно одетой дамой, в которой они с изумлением узнали госпожу Берков. Что делала здесь она – одна, без экипажа, без слуг, о чем беседовала с племянницей шихтмейстера?

– Вот и ты, Ульрих, – словно отвечая на мысли своего двоюродного брата, сказала девушка. – Госпожа Берков была столь любезна, что остановилась поговорить со мной, а я, воспользовавшись случаем, хотела отдать ей ее платок...

– Не вмешивайся не в свое дело, – резко оборвал ее Ульрих. – Не тебе его дали, и не тебе его возвращать.

Евгения с удивлением посмотрела на молодого человека, который даже не поклонился ей.

– Ну, так отдайте его вы, Гартман! Или, может быть, вам не хочется его возвращать?

Вильбергу снова представился случай рассердиться на Ульриха за его «ужасное поведение»: тот стоял неподвижно, нахмутив лоб и крепко сжав губы, с таким упорным выражением неприязни, с каким он входил в гостиную госпожи Берков. Видно было, что ему стоило большого труда подавить свою ненависть к молодой супруге хозяина, но на этот раз ему удалось. Вильберг заметил, как при первых звуках ее голоса Ульрих вздрогнул, потом покраснел до ушей, должно быть, от стыда за свое поведение, и, наконец, лицо его приняло выражение тупой враждебности. Однако нравоучения Вильберга, видимо, возымели действие, иначе, почему бы этот упрямец Гартман, который никогда не обращал внимания ни на просьбы, ни на приказания, сразу подчинился, вошел в дом и через несколько минут вернулся с платком в руках?

– Вот он, госпожа Берков.

Евгения сунула его небрежно в карман, по-видимому, не придав эпизоду никакого значения.

– А вы, господин Вильберг, раз уж оказались здесь, не укажете ли мне дорогу? Я впервые отправилась в эту сторону и вдруг, подойдя к мосту, ведущему в парк, обнаружила, что калитка заперта. Нельзя ли ее отпереть, или мне придется возвращаться назад мимо рудников и мастерских?

Она указала на мостик в нескольких шагах от них, переброшенный через ров, который окружал парк с этой стороны; действительно, мостик был загорожен железной решеткой, а калитка заперта, чтобы рабочие не могли проникнуть в парк, ключ же находился у садовника. Вильберг предложил сбегать за ключом, если только госпожа Берков согласна подождать.

– О, нет, не надо! – сказала Евгения нетерпеливо. – Вам пришлось бы два раза сделать тот путь, которого я хочу избежать, а мне некогда ждать. Я предпочитаю вернуться той же дорогой.

Вильберг, соглашаясь, умолял ее доставить ему счастье оказать ей эту рыцарскую услугу, как вдруг его витиеватая фраза была прервана страшным треском.

Во время их разговора Ульрих подошел к решетке и, ухватившись обеими руками за железные прутья, потряс ее с такой силой, что замок и задвижки затрещали, но не поддались; лицо Ульриха исказилось гневом, и сильным ударом ноги он сокрушил преграду – калитка отворилась.

– Ради Бога, Ульрих, что вы делаете! – вскричал с испугом Вильберг. – Ведь вы испортили замок. Что скажет господин Берков?

Ульрих не ответил. Отворив настежь калитку, он обернулся и сказал спокойно:

– Путь свободен, госпожа.

Евгения восприняла его действия куда спокойнее, чем Вильберг; она даже улыбнулась, вступая на путь, расчищенный для нее таким необычным образом.

– Благодарю вас, Гартман, – сказала она, – что же касается испорченного замка, то беру на себя ответственность за него, так что можете успокоиться, господин Вильберг. Раз уж калитка открыта, не угодно ли вам пойти со мной по кратчайшей дороге, через парк?

Какое счастье! Вильберг даже не побежал, а полетел к обожаемой им женщине, чтобы сопровождать ее, стараясь поскорее придумать какую-нибудь интересную и поэтическую тему для предстоящего разговора. Но разговор принял совсем прозаический характер. Евгения обернулась и посмотрела на рудокопа серьезным задумчивым взглядом, каким уже однажды смотрела на него, стараясь разгадать это загадочное, полное противоречий явление.

– У Гартмана поистине медвежья сила, да и ярость тоже. Ломает, не задумываясь, замок только для того...

– Чтобы открыть мне более удобный путь, – закончила Евгения, поглядев с иронией на своего спутника. – Не правда ли, господин Вильберг, вы никогда не оказали бы мне такой услуги?

Вильберг поспешил согласиться с этим. Как может она думать, что он решится так неделикатно обращаться с чужой собственностью да еще в ее присутствии! Никогда! Евгения, однако, очень рассеянно слушала его уверения, и ему в течение всего пути не удалось привлечь ее внимания, как он ни старался.

Гартман между тем закрыл калитку и медленно направился к дому. Он остановился у двери и пристально посмотрел в парк, в аллеях которого только что исчезли Евгения и Вильберг.

– Я думала, Ульрих, что если уж ты сказал «нет», так это так и будет.

Ульрих быстро обернулся и угрюмо глянул на стоявшую рядом Марту.

– А тебе какое дело? – дерзко спросил он.

– Мне? Никакого! Не смотри так мрачно, Ульрих. Ты сердисься на меня за то, что я напомнила госпоже Берков о ее платке, но ведь он принадлежит ей. Да и на что тебе такая нежная изящная вещь? Тебе даже и дотронуться до него нельзя, когда ты приходишь с работы, ну, а налюбовался ты им достаточно.

В голосе молодой девушки слышалась нескрываемая насмешка, и Ульрих, поняв ее, страшно рассердился.

– Оставь меня в покое и отстань со своими насмешками и подсматриванием. Я говорю тебе, Марта...

– Что тут такое? Уж не ссоритесь ли вы? – раздался вдруг голос шихтмейстера, который, выйдя из дома, остановился на пороге.

Ульрих сердито отвернулся, не желая, видимо, продолжать ссору, а Марта, не отвечая ни слова на вопрос дяди, прошмыгнула мимо него в дом.

– Что с ней? – спросил шихтмейстер, с удивлением глядя вслед девушке. – Что произошло между вами? Ты опять, должно быть, грубо обошелся с ней?

– Я не позволю никому, а тем более Марте, учить меня, как я должен поступать, – бросил в сердцах Ульрих.

– Ну, тебя-то она едва ли огорчит чем-нибудь, – сказал спокойно отец.

– Почему же?

Шихтмейстер взглянул на сына и пожал плечами.

– Послушай, парень, глаз, что ли, у тебя нет, или ты не хочешь видеть? Впрочем, ты никогда не думал о женщинах, а потому неудивительно, что ты ничего не понимаешь...

– А что тут понимать? – спросил молодой человек.

Отец вынул изо рта трубку и пустил целое облако дыма.

– То, что Марта любит тебя, – сказал он.

– Марта!.. Меня?

– Так ты в самом деле ничего не знал? – воскликнул удивленный шихтмейстер. – И это должен был тебе сказать старик отец! Все потому, что ты постоянно занят такими вещами, от которых голова идет кругом. Ей-богу, Ульрих, пора бы тебе бросить всякие глупости и взять в жены хорошую девушку, которая заставила бы тебя выкинуть все это из головы.

Ульрих снова посмотрел в парк, и глаза его приняли прежнее угрюмое и упрямое выражение.

– Да, ты прав, отец! – сказал он медленно. – Пора бы!

Старик чуть не уронил трубку от удивления.

– Это первое разумное слово, которое я слышу от тебя, парень! Образумился наконец? Пора, что и говорить! Ты уже давно в состоянии содержать жену, а красивее, порядочнее и добрее Марты тебе не найти. Какое счастье, если бы вы повенчались. Я ведь тебя не принуждаю к этому. Подумай сам хорошенько!

Молодой человек вскочил с лавки и начал быстро ходить взад и вперед.

– Возможно, так будет лучше всего... Надо же положить этому конец! Надо! Сегодня я опять убедился в этом... и чем скорее, тем лучше!

– Что с тобой? Чему надо положить конец?

– Ничего, отец, ничего! Ты прав, когда я женюсь, то буду знать, о ком мне думать. Итак, ты считаешь, что Марта меня любит?

– Поди и спроси у нее сам, – воскликнул, смеясь, шихтмейстер. – Неужели ты думаешь, что она до сих пор жила бы у меня в доме, если бы любила кого-нибудь другого? В женихах недостатка нет! Я многих знаю, которые с радостью женились бы на ней. Лоренц уже больше года ухаживает, да все напрасно! А ты, если захочешь, сегодня же можешь получить ее согласие. Поверь моему слову!

Ульрих с напряженным вниманием слушал отца, и, несмотря на то, что сказанное отцом льстило его самолюбию, на лице его не выразалось ни счастья, ни радости. Напротив, казалось, что он боролся с чем-то, мешавшим ему решиться на этот шаг, и, когда он снова обратился к отцу, голос его звучал глухо, точно судороги сжимали ему горло.

– Ну, вели ты уверен, что я не получу отказа, то... то я поговорю с Мартой.

– Сейчас? – спросил пораженный шихтмейстер. – Но, Ульрих, разве так сватаются, очертя голову? Ведь четверть часа назад у тебя и на уме этого не было. Подумай прежде хорошенько!

Ульрих сделал нетерпеливое движение.

– К чему откладывать? Лучше теперь же решить. Пропусти-ка меня, отец!

Отец покачал головой, но не стал серьезно отговаривать его, боясь, чтобы сын не передумал. От радости он даже не подумал о том, что так страстно желаемый им союз заключался несколько странно; он решил спокойно ждать на дворе, пока молодые люди сами решат свою судьбу. Зная хорошо сына, Гартман-старший понимал, что его несвоевременное вмешательство может испортить все дело.

Молодой человек тем временем, как бы боясь дать себе минуту на размышление, быстро прошел переднюю и открыл дверь в комнату.

Марта сидела у стола, против обыкновения празднично сложив руки; она не подняла головы, когда он вошел, и, по-видимому, не обратила внимания на то, что он остановился совсем рядом. Ульрих сразу заметил, что она плакала.

– Ты сердишься на меня, Марта, что я был опять груб с тобой? Я очень жалею... Что ты на меня так смотришь?

– Потому что ты, кажется, первый раз в жизни жалеешь об этом. Прежде ты не считался с тем, как я воспринимаю твои выходки, а потому и сегодня оставь меня в покое.

Она сказала это холодно и жестко, но это не смутило Ульриха. Слова отца, должно быть, сильно подействовали на него, и он ответил ей непривычно мягко:

– Я знаю, что гораздо хуже других, но измениться не могу, и потому прими меня таким, каков я есть, возможно, тебе удастся меня исправить.

При первых словах Ульриха девушка с удивлением взглянула на него и, вероятно, прочитав на его лице что-то особенное, сделала порывистое движение встать, но Ульрих удержал ее.

– Останься, Марта, мне надо с тобой поговорить! Я хотел тебя спросить... ну, я совсем не умею складно говорить, да это и лишнее. Ты моя двоюродная сестра, мы много лет живем под одной крышей... Ты отлично знаешь, что я за человек... знаешь также, что я всегда любил тебя, несмотря на то, что мы часто спорили... Хочешь стать моей женой, Марта?

Предложение было сделано неожиданно и резко, одним порывом, но уж такова была манера жениха. Он глубоко вздохнул, как будто гора свалилась с плеч, когда он произнес эти слова.

Марта сидела все так же неподвижно; ее обычно цветущее лицо страшно побледнело, но она не колебалась ни минуты и чуть слышно, но твердо сказала: «Нет!»

Ульрих решил, что ослышался.

– Нет? – переспросил он.

– Нет, Ульрих, не хочу! – повторила девушка тем же глухим, но твердым голосом.

Молодой человек обиженно выпрямился.

– В таком случае мне лучше было бы не говорить об этом. Отец, видно, ошибся... и я тоже... Не сердись, Марта!

Оскорбленный в своей непомерной гордости таким быстрым отказом, Ульрих хотел выйти из комнаты, но, взглянув на Марту, остался. Она встала со своего места и ухватилась обеими руками за спинку стула, будто желая удержаться на ногах. Девушка не проронила ни слова, но губы ее дрожали и бледное лицо выражало такое безысходное горе и страдание, что Ульрих невольно подумал, что отец был прав.

– Я думал, что ты меня любишь, Марта! – сказал он с легким упреком.

Она быстро отвернулась от него и закрыла лицо руками, он услышал глухие, еле сдерживаемые рыдания.

– Конечно, я должен бы знать, что слишком жесток и груб для тебя. Ты боишься, думая, что после свадьбы я стану, пожалуй, еще хуже. Лоренц больше годится тебе в мужья, он всегда будет исполнять твою волю.

Девушка покачала головой и медленно повернулась к нему лицом.

– Я не боюсь тебя, хотя ты часто бываешь груб и суров. Я знаю, что ты не можешь измениться и все-таки вышла бы за тебя, и даже охотно. Но за такого, каков ты теперь, Ульрих, каким ты стал с того дня, как сюда приехала молодая госпожа, я не пойду.

Ульрих вздрогнул. Яркая краска залила его лицо. Он хотел рассердиться, хотел крикнуть ей, чтобы она замолчала, но не мог выговорить ни слова.

– Дядя считает, что ты не думаешь о женщинах, потому что твоя голова занята другим, – продолжала Марта, все более волнуясь. – Да, как бы не так! Вот обо мне ты никогда не думал, это правда, а теперь вдруг хочешь взять в жены. Тебе нужно, чтобы кто-нибудь дал твоим мыслям другое направление... Разве это не так, Ульрих? И для этого тебе годится первая встречная, для этого и я достаточно хороша? Но нет! Я до такого еще не дошла! И если бы даже любила тебя больше всего на свете, и если бы отказ стоил мне жизни, я бы сказала «нет»! Лучше уж Лоренц, лучше любой другой, только не ты!

Столь сильный взрыв страсти у всегда спокойной девушки свидетельствовал, как безгранично и властно владел Ульрих ее сердцем... Вероятно, он и сам почувствовал это, но лицо его не прояснилось и яркий румянец становился гуще с каждым ее словом. Ему нечего было возразить ей, и, когда она разразилась громкими рыданиями, он только молча стоял рядом с ней, не находя слов утешить и успокоить ее. Мучительное молчание продолжалось несколько минут. Марта плакала, положив голову на стол. В комнате слышались только ее судорожное рыдание и однообразное тиканье старых стенных часов. Наконец Ульрих наклонился к ней; в голосе его не было суровости и резкости, так же, как и мягкости, – в нем сквозила глубокая боль.

– Перестань, Марта! Я думал, что так будет лучше, что ты поможешь мне... Но, вероятно, вышло бы хуже, и ты хорошо делаешь, отказывая мне. Пусть все останется по-старому.

И он направился к двери, даже не попрощавшись с ней; на пороге он остановился и еще раз взглянул на девушку. Она не подняла головы, и он быстро вышел.

– Ну? – живо спросил отец, идя ему навстречу. – Ну, что? – повторил он медленнее, заметив, что лицо сына не походило на лицо счастливого жениха.

– Ничего не вышло, отец! – сказал Ульрих тихо. – Марта не хочет идти за меня.

– Не хочет? Не хочет идти за тебя? – вскричал старик таким голосом, как будто ему сообщили нечто невероятное.

– Да. И не мучь ее, пожалуйста, расспросами, она имеет причины для отказа, и мне они известны... не будем говорить об этом. Пропусти меня, отец, мне надо идти.

Молодой человек быстро удалился, как бы желая избежать дальнейших расспросов. Шихтмейстер излил свою досаду:

– Вот и разбери женщин! Я положил бы голову об заклад, что девушка любит его, а она взяла да отказала... Я никак не думал, что он примет это так близко к сердцу. Он совсем растерялся и как пустился бежать отсюда! Но Ульрих ничего не расскажет... да и Марта тоже.

Старик начал быстро ходить по садику, пока не успокоился немного. Что же можно тут сделать? Нельзя же их соединить против их воли, а почему... Над этим тоже не стоило ломать голову. С тяжелым вздохом старик простился со своей заветной мечтой. Он еще стоял у калитки сада, погруженный в свои печальные размышления, как вдруг увидел молодого Беркова, шедшего по дороге, которая проходила мимо его домика и вела к перекинутому через ров мостику. Артур, кажется, лучше своей жены был знаком с порядками в имении. Он вынул из кармана ключ от калитки, замок которой незадолго перед тем был сломан Ульрихом. Шихтмейстер низко и почтительно поклонился молодому хозяину, когда тот поравнялся с ним, но Артур, со свойственной ему апатией, едва взглянув на него, ответил на поклон небрежным кивком головы и собирался пройти дальше.

Лицо старика болезненно передернулось; он все еще стоял с обнаженной головой и смотрел ему вслед печальным взглядом, словно говоря: «Вот каким ты стал теперь!»

Заметил ли Артур этот взгляд или вдруг вспомнил, что перед ним старый друг, баловавший его в детстве, только он вдруг остановился.

– А, это вы, Гартман? Как поживаете?

Он протянул ему с обычной медлительностью руку и, казалось, был несколько удивлен, что старик не схватил ее тотчас. Шихтмейстер, отвыкший от таких знаков внимания, медлил пожать протянутую руку и когда наконец решился на это, то взял ее так робко и осторожно, будто боялся повредить эту белую тонкую руку своей грубой и жесткой лапой.

– Благодарю вас! Мне живется хорошо, Артур! Ах, простите, я хотел сказать: господин Берков.

– Называйте меня по старой привычке Артуром, мне приятно слышать это имя от вас, – спокойно сказал молодой человек. – Итак, вы довольны своей жизнью, Гартман?

– Слава Богу, доволен. Я имею все необходимое, но ведь в каждой семье есть свои заботы и горе... вот и у меня тоже... насчет моих детей! Видно, уже нельзя иначе.

Шихтмейстер очень удивился, когда молодой хозяин подошел к нему и облокотился на деревянную ограду садика, как бы приготовившись к продолжительной беседе.

– Насчет ваших детей? Я думал, что у вас только один сын?

– Совершенно верно – Ульрих; но у меня еще воспитывается дочь моей сестры, Марта Эверс.

– Она-то и причиняет вам заботы?

– Сохрани Бог! – горячо возразил шихтмейстер. – Девушка так добра и хороша, что другой такой и не найти; я надеялся, что Ульрих и она составят отличную парочку, но...

– Но Ульрих, вероятно, не желает? – прервал его Артур, быстро взглянув на него, что очень противоречило его обычной вялости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.